

Annotation

Главный исторический труд Арсения - его мемуары о пребывании в России - дошел до нас не в авторском варианте, а в обработке его соотечественников - архимандрита Христофора и архидьякона Неофита, прибывших в Москву в 1619г. вместе с иерусалимским патриархом для поставления в московские патриархи Филарета Никитича Романова, вернувшегося из польского плена. Греческие монахи точно скопировали авторский текст, тщательно описывающий события с момента приезда архиепископа Арсения Елассонского в Москву в 1588 г. до разорения Москвы в 1611 г. (этот фрагмент предварен небольшой справкой по истории России, более подробно излагающей ход событий с начала царствования Федора Ивановича). Дальнейшие же события до вступления на престол Михаила Федоровича Романова в 1613 г. и смерти атамана Заруцкого в 1614 г. изложены ими схематически. Вероятно, записки Арсения после 1611 г. были не вполне им обработаны. Рукопись, содержащая данные тексты, была обнаружена в греческом трапезундском Сумелийском монастыре (в Малой Азии) только в конце XIX в. Кроме собственно мемуаров она содержит составленное, очевидно, теми же редакторами житие Арсения Елассонского (как местночтимый святой Арсений почитался и в Суздале) и стихотворный панегирик, где он сравнивается с Гомером.

-
- [арсений елассонский](#)
 - [предисловие](#)
 - [МЕМУАРЫ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ](#)
-

арсений елассонский

мемуары из русской истории

предисловие

Арсения Елассонского - автора сочинения о России конца XVI - начала XVII вв. можно назвать иностранцем только условно. Он принадлежал к высшим русским церковным иерархам и был не только участником многих исторических событий, но и непосредственно влиял на ход политического процесса. Арсений Елассонский (ок. 1550-1626) родился в Фессалии в семье греческого священника, молодым человеком принял постриг и вскоре был посвящен в иеродиаконы. Благодаря покровительству своего учителя, впоследствии ставшего константинопольским патриархом Иеремией I, Арсений в 1580-е гг. возводится в епископы Елассоны и Димоника. В 1586 г. Арсений Елассонский в первый раз приезжает в Москву в составе посольства константинопольского патриарха к царю Федору Ивановичу. Затем по просьбе львовского православного епископа он становится преподавателем греческого и церковнославянского языков в местной братской школе и работает над составлением “Грамматики доброглаголиваго еллинословенскаго языка” (издана во Львове в 1591 г.), что свидетельствует о серьезном интересе просвещенного иерарха к славянской культуре. В 1588 г. Арсений во второй раз отправляется в Москву с новым вселенским патриархом Иеремией II, принимает участие в установлении московского патриаршества и во время прощального приема просит у царя разрешения остаться в России.

В Москве для греческого епископа около 1596 г. была создана особая должность - архиепископ кремлевского Архангельского собора. С этого времени Арсений Грек (так его часто именовали в русских документах) принимает активное участие в русской церковной политике, особенно обострившейся в период Смуты. В 1605 г. он участвует в низложении первого московского патриарха Иова и в коронации Лжедмитрия I, лично увенчав его шапкой Мономаха, в 1606 г. - в возведении на трон Василия Шуйского и, наконец, в Земском соборе 1613 г., избравшем на престол царя Михаила Федоровича. В начале царствования первого Романова престарелый архиепископ получает почетные назначения на кафедры в Тверь и Суздаль, оставаясь в Москве, но в конце 1621 или начале 1622 г. все-таки

отправляется во вверенную ему Суздальскую епархию, где и оканчивает свои дни в заботах об устройении и украшении местных монастырей и храмов (сохранились некоторые из пожертвованных им икон и книг) (См.: *Зилитикиевич В.С. Арсений Елассонский*//Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А-З. СПб., 1992. С. 108-110. О книгах Арсения см.: *Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв.: Греческие рукописи в России. М.,1977. С. 19-21.*).

Высокообразованный архиепископ оставил после себя богатое литературное наследие. К сожалению, далеко не все из него дошло до нашего времени и опубликовано. Из исторических сочинений первым вошел в научный оборот своеобразный памятник - подробнейшее стихотворное описание пребывания греческого посольства в Москве в 1588-1589 гг. - важнейший исторический источник об установлении московского патриаршества (Эта поэма на греческом языке впервые издана в Турине в 1749 г. Русский перевод опубликован Н. Г. Оглоблиным в "Исторической библиотеке" в 1879 г. (№8-9). Последнее издание и исследование см.: *Питирим, епископ (Нечаев) . Арсений архиепископ Елассонский и его поэма об учреждении русского патриаршества*//Богословские труды. М., 1968. Сб. 4. С. 251-280.).

Главный исторический труд Арсения - его мемуары о пребывании в России - дошел до нас не в авторском варианте, а в обработке его соотечественников - архимандрита Христофора и архидьякона Неофита, прибывших в Москву в 1619г. вместе с иерусалимским патриархом для поставления в московские патриархи Филарета Никитича Романова, вернувшегося из польского плена. Греческие монахи точно скопировали авторский текст, тщательно описывающий события с момента приезда архиепископа Арсения Елассонского в Москву в 1588 г. до разорения Москвы в 1611 г. (этот фрагмент предварен небольшой справкой по истории России, более подробно излагающей ход событий с начала царствования Федора Ивановича). Дальнейшие же события до вступления на престол Михаила Федоровича Романова в 1613 г. и смерти атамана Заруцкого в 1614 г. изложены ими схематически. Вероятно, записки Арсения после 1611 г. были не вполне им обработаны. Рукопись, содержащая данные тексты, была обнаружена в греческом трапезундском Сумелийском монастыре (в Малой Азии) только в конце XIX в. Кроме собственно мемуаров она

содержит составленное, очевидно, теми же редакторами житие Арсения Елассонского (как местночтимый святой Арсений почитался и в Суздале) и стихотворный панегирик, где он сравнивается с Гомером.

Первооткрыватель и исследователь мемуаров Арсения Елассонского профессор Киевской духовной академии А. А. Дмитриевский, к сожалению, не сделал специальной полной их публикации. Однако в его книге приведена большая часть текста в русском переводе, а наиболее интересные с точки зрения исследователя фрагменты даны с параллельным воспроизведением греческого оригинала (*Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. (С фототипическим портретом (иконою архиепископа и его факсимиле на русском языке). Киев, 1899.). Издание снабжено подробным историческим комментарием каждого известия и до настоящего времени служит главным источником для изучения жизни и творчества видного деятеля и одного из первых историков русской Смуты (Местонахождение греческой рукописи, содержащей мемуары, в настоящее время неизвестно. Однако недавно была обнаружена ее копия, сделанная для А. А. Дмитриевского, по которой Б. Л. Фонкич будет готовить новое издание этого памятника. Мы благодарим Б. Л. Фонкича за данную информацию и знакомим читателей с мемуарами Арсения Елассонского по их первой публикации, сознавая, что подготовка нового академического издания греческого текста и русского перевода может занять достаточно длительный период времени.).

МЕМОУАРЫ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ

(Текст воспроизведен по изданию: Хроники смутного времени. М. Фонд Сергея Дубова. 1998 г.)

Царство и самодержавие россов, которое началось со Владимира, великого князя великого града Киева, к северу лежащего по течению реки Борисфена между Россиею, Польшею и Скифиею, впадающего в Евксинский понт между Доном и Дунаем

Земля и царство россов принадлежали в прежнее время грекам и многим начальникам, которые, владея крепостями, деревнями и многими местами, никому не были подчинены; только Владимир, при помощи Божией, был назван великим князем, то есть великим начальником, покорил под свою власть крепости и многие деревни, великий Киев, великую Москву, великий Новгород и около них существующие крепости и деревни и всю Польшу. Этот великий князь Владимир жил во времена благочестивейшего царя византийского Василия Македонянина, который, будучи православнейшим и имея великое попечение и заботу не только о собственном царстве, но и о всех людях, как обратить их к вере в истинного Бога Господа нашего Иисуса Христа, чтобы они покинули многобожие и прелесть идольскую, послал повсюду архиереев и учителей, которые и научили людей веровать в истинного Бога и Господа нашего Иисуса Христа, крестя их во имя Отца, Сына и Святого Духа. Этот царь, по водительство Божию и с благословения святейшего вселенского патриарха Константинополя Игнатия, послал архиереев и учителей в великий град Киев к великому князю Владимиру, *царю всей России*, и они научили его и народ его таинству православной веры. Великий же князь, будучи мужем благим, охотно принял проповедь архиереев, как сам, так и мать его Ольга. Все, которые были при дворе его, уверовавши в Бога истинного, были крещены архиереями во имя Отца, Сына и Святого Духа и сделались православными христианами. Равным образом крестились и все его воеводы и народ великого города

Киева и всей России. Архиепиеи, согласно желанию и совету великого князя, поставили по всей России архиепиеев, священников, диаконов, чтецов и клириков и учредили церковное последование по чину. Рукоположили и в самом городе Киеве митрополита по имени Михаила (Далее часть текста, излагающего события русской истории XI-XVI вв., опущена (не переведена) переводчиком А. Дмитриевским. - Примеч. ред.).

Царствование благочестивейшего царя и великого князя Феодора Ивановича всея России

Воцарившись, царь и великий князь Феодор Иванович всея России был коронован в славном соборном храме Пресвятой Богородицы великим митрополитом Москвы господином Дионисием со всем архиепиейским и священным собором, в присутствии всех бояр и синклита и всего народа, с торжеством и великою радостью во дворце, во всей Москве и во всей России. Этот царь Феодор Иванович был человек весьма кроткий, добрый, миролюбивый и всегда боящийся Бога. Царь этот имел и брата Димитрия Ивановича от царицы Марии Феодоровны Нагой, которого, Димитрия, по причине его большого родства и благодаря матери его Марии, все бояре с синклитом и народом, без воли царя, отослали в крепость Углич, чтобы он там жил с матерью своею царицею Мариєю, имея весь доход этого города для своего пропитания. Итак, в царствование сего царя и великого князя был великий мир во всем государстве его в великой России, потому что все подчиненные ему цари от страха перед отцом его и из уважения к матери, которая скончалась, и по причине его кротости, все цари и владыки почтили его и покорились, приславши к нему дружественные послания и многие дары. Вскоре он и сам увеличил восточные части своего царства, присоединивши крепость Терек и все побережье Каспийского моря, расширил и северные части, покоривши всю Сибирь.

В первый год своего царствования он отправил посланника к царю константинопольскому, к султану Амураду, с царскими подарками, прося ответ относительно татарского хана: с согласия ли его он беспокоит его землю? Султан Амурад с подобающею честью принял посланника его по имени Бориса, которому султан Амурад дал позволение, и он путешествовал по всему Константинополю с великою свободою, без всякого препятствия или страха. Побывал в патриархии

в церкви Всеблаженной и поклонился, выслушал святую литургию и радушно весьма был принят вселенским патриархом господином Феолিপтом и братски угощен находившимися при нем архиереями и клириками. Этот посланник передал патриарху, архиереям, клирикам и всем нуждающимся и бедным Константинополя щедрую милостыню. Главным образом для того он и был послан царем, чтобы раздать милостыню в Константинополе по отце своем Иоанне, названном в монашестве Ионою, и по брате своем Иоанне. Султан Амурад, удовлетворивши просьбу его, отпустил его с великою честью морем, пославши с ним чауша послом со многими царскими дарами. И Феолипт патриарх отправил с ними двух архиереев, смиренного архиепископа елассонского господина Арсения и епископа диррахийского господина Паисия, к царю великой России с святыми мощами, с молитвою и благословением на укрепление и увеличение его царства. Когда явились все вкуче к царю и великому князю Феодору, то он с радостию принял всех и с честью и со стражею отпустил обратно всех в Константинополь. Итак, с этого времени началась великая дружба между ними.

В третий год его царствования прибыл вселенский константинопольский патриарх господин Иеремия в великую Москву, имея с собою спутниками и учениками священнейшего митрополита монемвасийского кир Иерофея, смиренного архиепископа елассонского кир Арсения, иеромонаха и архимандрита Христофора, архидиакона Леонтия и многих иных иеромонахов и монахов. Когда он по пути прибыл в большой укрепленный город великой России Смоленск, в 7097(1588) году месяца июня 21 дня, его встретили епископ града Смоленска кир Сильвестр, воеводы князь Михаил Ростовский и князь Феодор Шестунов, все священного чина люди и благочестивые христиане, вышедши к нему навстречу и сделавши торжественный прием вне града на площади, в его предместье. Царь и великий князь Феодор, услышавши о приезде патриарха, быстро отправил двух начальников дворцовых Григория и Симеона со многими слугами, двух переводчиков Константина Сфотия и Ивана из Иоаннина древнего Ипира с добрыми вестями от царя и [с просьбою] (В квадратных скобках даются необходимые по смыслу дополнения. - Примеч. ред.), чтобы патриарх для благословения, как гласило царское письмо, потрудился войти в город Смоленск. 29 июня месяца, на

праздник первоверховных апостолов Петра и Павла, царские воеводы, епископские клирики, воеводы [града] и благочестивые христиане ввели вселенского великого патриарха внутрь большого града Смоленска с великою честью и торжеством в храм Пресвятой моей Богородицы, в котором епископ тамошний совершил божественную литургию. Когда прибыли туда, то епископ, облаченный в архиерейские одежды, имея в руках честной крест, вышел из храма со множеством иереев и иеродиаконов. Патриарх, поклонившись честному и святому кресту, взяв его в руки, поцеловал его и, сим честным крестом начертавши крест сначала на челе его и, таким образом, воздвигнув святыя руки, честным крестом благословил епископа, всех с ним находящихся архиереев, царских воевод, всех священников и прочих христиан. Когда вошли в великую церковь, то патриарх и явившиеся с ним архиереи, поклонившись, по чину, облобызали святыя иконы, святейший патриарх и его свита. Поставленный на правую сторону храма, где для него было приготовлено место с ковром, патриарх помолился Святому Богу, равным образом и прибывшие с патриархом архиереи и иеромонахи и вся его свита. Епископ же с своими священниками и иеродиаконами начали божественную литургию. По окончании божественной литургии патриарх благословил всех.

Вышедши из храма, мы отправились за приготовленную трапезу, и все угостились от той царской трапезы. По окончании стола епископ подарил патриарху святую икону и другие некоторые дары, равным образом - митрополиту и архиепископу, и всех из свиты патриарха он одарил святыми иконами в сребровызолоченных окладах, и, таким образом, все подарки патриарху и его свите отправил с воинами в дома, где они жили.

Двинувшись из Смоленска 1 числа июля месяца, через десять дней мы приехали в великую Москву, и за пять миль до великой Москвы царь Феодор и великий митрополит великой Москвы кир Иов выслали на встречу патриарха двух архиепископов, двух епископов, почетных бояр, архимандритов, игуменов, священников, монахов и много народу. Архиереи и царские бояре, прибывши к патриарху, высказали ему приветствие и удовольствие царя, а патриарх, встав с места и простерши руки к Богу и помолвившись долго, весьма благодарил царя, и по молитве благословил архиереев и царских бояр,

давши им святое целование, равным образом благословил и всех; и все в порядке мы пошли с торжеством и великою честью в великую Москву, в большие палаты рязанского епископа, убранные по-царски, в которых имеется и большой храм во имя святой и животворящей и нераздельной Троицы. В этот храм посылались царские священники и иеродиаконь каждый день, чтобы петь [повседневное последование] и священнодействовать. Здесь остановившись, мы имели полное царское содержание.

Итак, по прошествии пяти дней, в воскресенье, мы отправились к великому царю в сопровождении многих царских бояр, архиереев, священников и многочисленного народа. В предшествии царских бояр мы прибыли в большой царский дворец, когда к нам навстречу вышли многие бояре, одетые в златотканые одежды, и вне двери Золотой палаты встретил вселенского патриарха кир Иеремию сам великий царь Феодор. Патриарх благословил великого царя, начертавши образ креста на нем святою рукою на голове, на груди, на правом и левом плече, и царь на освящение поцеловал святую руку патриарха, а патриарх поцеловал правое плечо царя. Приветствовав друг друга, они вошли внутрь палаты и сели там - царь на высоком и богатом троне, а патриарх справа на троне, весьма благоукрашенном. Мы же все, спутники патриарха, архиереи, благословили царя и поцеловали его правую руку, и прочие все из свиты патриарха поцеловали правую руку его. И после торжественного приема, продолжавшегося до вечера, мы с великою честью возвратились на свое подворье.

Через несколько дней царь послал великого боярина своего, родного брата благочестивейшей царицы и великой княгини госпожи Ирины, господина Бориса Годунова и великого государственного логофета господина Андрея Щелкалова к великому патриарху. Явились они к нему с просьбою от имени царя и всего его собора и великого митрополита московского господина Иова, чтобы он остался в великой Москве, дабы именоваться патриархом московским и всей России и быть любящим отцом для царя и царицы. Весьма тронутый их приятными словами, патриарх решился исполнить волю царя, если бы ему не воспрепятствовали монемвасийский митрополит кир Иерофей, племянник патриарха господин Димитрий, первый канонарх, Георгий логофет и Николай Аристотель из Афин, и, таким образом, они возвратились к царю с великою печалью. И снова, после немногих

дней, послал их царь к патриарху с просьбою к нему возвести великого митрополита Москвы кир Иова в патриаршее звание, достоинство и на кафедру. Патриарх, выслушавши, таким образом, с радостью принял просьбу царя и решился исполнить ее. И когда составился большой собор архиереев, бояр, архимандритов, игуменов, иеромонахов, иеродиаконов и всего клира, 26 января месяца в 7098 лето, от Христова сошествия 1589, в великой церкви Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии, в присутствии царя и бояр его и воевод и всего народа, возвел великий патриарх кир Иеремия великого митрополита Москвы кир Иова в звание и на кафедру и в чин патриаршеский и благодатию всесвятого и освящающего Духа повелел быть святейшим патриархом Москвы и всей России, назвавши его братом и сослужителем, дав ему целование о Господе с благословением на высочайшем месте, посредине церкви, в присутствии царя, бояр, архиереев, священников и иеродиаконов, пред выносом святого Евангелия. И после наречения и целования певцы пропели “Господи помилуй” и “ΑχιοV” (“Достоин” (греч.)) и, таким образом, совершился святой вход с Евангелием, поцеловавши святое Евангелие сначала вселенский патриарх, а потом новый патриарх Москвы и всей России, в сопровождении святейших патриархов и позади, по чину, архиереи, священники и все иеродиаконы. По окончании святой литургии все мы пошли в большой дворец, царь, патриархи и все мы, священнодействующие, и бояре, и там за богатою трапезою царя все мы пресытились различными яствами, которых я не в состоянии описать: замечу лишь только то, что за эту богатою трапезою не было и не видел я какого-либо серебряного или медного сосуда, но все сосуды этого стола были золотые: блюда, кубки, стаканы, чаши, подсвечники - все вообще из золота. Итак, услаждаясь брашнами и веселясь даже до вечера и поднявшись, с великою честью отправились домой патриархи и все находящиеся с ними, возблагодаривши Бога и помноголетствовав царя. Чрез несколько дней царь, пригласивши обоих патриархов и архиереев во дворец, получил от них благословение, соизволив им явиться к благочестивейшей царице на благословение ее. Патриархи, с полным удовольствием согласившись, пошли, и мы с ними. Предшествуемые царем и великим боярином Борисом, мы пришли во внутренние палаты и там в сребровызолоченной палате увидели царицу, и благословили ее

патриархи и все архиереи. Одаривши патриархов и всех архиереев золототканными ширинками, униженным многочисленным жемчугом, и снова благословив ее, мы удалились домой, после приготовленной царской трапезы, от которой мы были пресыщены. На следующий день царь послал вселенскому патриарху многочисленные дары и немало денег, равным образом и всем нам по чину. На третий день прислала патриарху многочисленные дары царица: архиерейские облачения из золотой парчи, украшенные многочисленным жемчугом, весьма дорогую митру с драгоценными камнями и многочисленным жемчугом и бесчисленное количество денег. Прислала и всем нам большие и различные подарки по чину и немалое количество денег; почти, можно сказать, всех нас обогатили великий царь всея Руси Феодор и великая царица Ирина Феодоровна. Через несколько дней царь позволил вселенскому патриарху и его свите отправиться восвояси, оставивши здесь смиренного архиепископа елассонского кир Арсения, который, будучи в великом почете у царя и после в соборном московском храме всевеликих Архангелов, близ дворца, где находятся гробы великих князей и царей, по повелению царя и патриарха и всего архиерейского чина сделался действительным архиереем.

В пятый год его царствования был поход в немецкую землю с большим войском, и взял он Ивангород и многие другие крепости и величайшую крепость Ревель, немцы заключили мир и обещались сему царю давать в год половину доходов этого города. Взяли и самую крепость, но, при посредничестве великого боярина Бориса Годунова, не удержали ее, так как он ходатайствовал пред царем, ибо взял за это богатые дары, как потом говорили некоторые. И, таким образом, царь возвратился в Москву с великою победою. За пять миль перед Москвою вышли к нему навстречу весь народ великого града Москвы, мужи и жены, юноши и старцы, малые и большие, радуясь и веселясь по поводу возвращения доброго и тишайшего великого царя.

В том же году были окончены большие внешние городские стены, которые он вывел с основания земли и которые были пред тем земляные.

В шестой год своего царствования он послал великого патриарха своего царства Стефана Годунова, первого двоюродного брата царицы, с большим войском в Неметчину, который и покорил более половины северной Неметчины и возвратился с великою победою. В том же году

подчинилась царю и великому князю Феодору вся Корелия и заключен был великий мир между Россией и Неметчиной. В том же году прибыл великий посол от кесаря и великого царя Алемании и была ему устроена торжественная встреча, а когда он возвращался, царь с боярином Сабуровым и великим логофетом Василием Афанасьевым послал кесарю Алемании в помощь много жизненных припасов, потому что в то время Алемания вела войну с султаном константинопольским Амуратом.

В том же году сердце великого боярина Годунова Бориса возгорелось желанием к царствованию, и тайно, без согласия царя, пославши в город Углич, где находился под надзором брат царя Димитрий Иванович, убили его, и, когда происходило замешательство, были убиты и многие другие. В том же году сгорела большая часть Москвы, при содействии Бориса, *как говорили многие*. В том же году, при содействии боярина Бориса, *как говорили многие*, явился на Москву хан татарский ради беспокойства царя и всего народа, дабы не было расследования о смерти брата его Димитрия. И так как царь и воеводы не знали этого замысла, то царь послал того самого великого боярина Бориса воеводою, предводителем войска, отправлявшегося против царя татарского. И когда произошло сражение, то войско царя одержало великую победу над ханом татарским и, помимо воли полководца Бориса, захватило весь обоз его и верблюдов, которых мы видели своими глазами в Москве, более 300, множество пленных татар и многих коней Хан татарский, по воле и попущению военачальника Бориса, едва убежал назад ни с чем, оплакивая *насмешку* и потерю свою, согласившись прийти, по совету Бориса.

Этот царь и великий князь Феодор с основания земли построил, как они являются перед нами, каменные толстые и крепкие стены в Казани, в Астрахани и в Смоленске, которые прежде сего были деревянные и земляные. Он воздвиг и великий храм Вознесения внутри Москвы, при котором имеется большой монастырь для многочисленных девственников монахинь, а внутри великого храма находятся гробы великих княгинь и цариц. Этот же царь построил [каменные] здания для суда и для торговых лавок на площади срединной крепости Москвы, которые до сего времени были деревянные. Выстроил он и монастырь во имя Пречистой Донской за Москвою в четырех милях. Он устроил величайшую пушку, которая

находится на площади, против великой двери, ведущей в царские палаты, каковая пушка не только велика, но и весьма художественно сделана и изящная, со множеством ядер и с вычеканенными на ней письменами, и имеет вычеканенное изображение сего царя на коне со скипетром в правой руке. *Думаю поистине*, что во всем мире не сыщется другая, подобная этой по величине и художественности, и была отлита она с великим мастерством и с великими издержками.

И другие бесчисленные благодеяния совершил он внутри и вне Москвы и во всей России и во всяком городе и деревне. И послал он богатую милостыню по родителям своим не только в Россию, но и в другие царства, святым патриархам в Константинополь, в Александрию, в Антиохию, в Иерусалим, в церкви и в мужские и женские монастыри, и всем бедным и нуждающимся. Особенно богатую милостыню он отправил во Святую Гору и во все монастыри Востока и Запада. Этот святой царь и великий князь Феодор был весьма добрый и милостивый и весьма кроткий царь, как никто другой из прежде него бывших великих князей; и за его доброту все цари и властители, находившиеся близ него, промышлением и мановением великого царя нашего Бога почитали его. Сей святейший царь и великий князь Феодор, поцарствовавши в своем земном царстве пятнадцать лет, [водворился] в небесном царстве со святыми вечно, получив в обмен на земное царство небесное, 7 числа января месяца. И погребли его в честном соборном Архангельском храме с отцами его, внутри придела святого Иоанна Лествичника, с плачем и рыданием в течение многих дней. Весь народ Москвы и всей великой России пролил великий и весьма горький вопль, так как лишились такого кротчайшего и благочестивейшего святого царя.

Царствование благочестивейшего царя и великого князя Бориса Феодоровича Годунова всея России

Весь синклит двора и собор архиереев и весь народ великой Москвы и всей России, согласно с мнением и волею царицы и великой княгини Ирины, провозгласили царем и великим князем всей великой России великого боярина Бориса Годунова в женском монастыре за Москвою, где находилась царица Ирина, сделавшаяся монахинею, переименовавшись в божественной и ангельской схиме в монахиню Александру. В лето от создания мира 7107, от Рождества же Христова 1598, в сентябре месяце, в день воскресный, великий патриарх

Москвы и всей России избранного Бориса Годунова, брата Ирины, царицы всея России, короновал в царя московского и всея России в патриархии, в соборном храме Пречистой Богородицы, в присутствии всех архиереев и архимандритов, и бояр, и всего синклита, и всего народа Москвы. Находились [при этом] многие архиереи и архимандриты из Константинополя: *епископ Ериссо и Святой Горы кир Игнатий*, который спустя некоторое время сделался *архиепископом рязанским и патриархом Москвы и всей России*, и архиепископ ахридский кир Нектарий, и митрополит видинский Феофан, и великий архимандрит иерусалимский кир Дамаскин из Эллады, и великий старец великой лавры святого Саввы Освященного в Иерусалиме Дамаскин, и многие другие иеромонахи святой Афонской горы и из других различных монастырей. И как только был венчан царь и воссел на царский престол, то особенно почтил бояр и всех придворных, дав им многие подарки и учинив производства их из одного достоинства в другое.

Итак, он явился подражателем блаженнейшего и освященного отца своего царя Феодора и раздавал каждый день великую милостыню. Имел он во многих местах назначенных людей, которые раздавали повседневно милостыню не только по Москве, но и по всей России. Он роздал милостыню по монастырям, священникам и всем нуждающимся.

Во второй год его царствования был великий голод во всей России, и продавался мешок пшеницы более, чем за тысячу двести аспр, т. е. за десять золотых флоринов. И сей царь, как великий милостынедавец, каковым был, роздал много хлеба и много продуктов нуждающимся и беднякам и освободил бесчисленный народ от великого и ужасного того голода.

Этот царь и великий князь Борис имел прекрасного сына по имени Феодора и красивейшую дочь по имени Ксению.

В третий год его царствования явились два немецкие царевича [в Москву], наслышавшись о достоинствах этой красавицы царевны Ксении, с предложением руки, и не получили желаемого. Первый не показался приятным самой дочери и приближенным царя, потому что был более 25 лет, второй же весьма понравился самой дочери и родителям ее, царю и царице, и всем придворным, кто видел его, потому что был не только благороден и богат, но и был молод, а

главное настоящий красавец и большой умница. Царь и царица весьма полюбили его и ежедневно принимали его во дворце, желая устроить брак, но, - или за грехи, или по иным причинам, Господь ведает, - когда стали готовиться к венцу, этот красавец юноша, немного поболевши, скончался. Царь и все придворные горько оплакали этого красавца юношу. Все приближенные этого благородного юноши возвратились на родину, будучи одарены от царя богатыми дарами и немалыми деньгами. И после слез, печали и великого поминовения [царь] отправил всех тех, которые обещались прислать (с тою же целью) другого его брата. Посланные обнадежили царя.

В четвертый же год его царствования, когда пришли из великой Иверии апокрисиариями по имени Соломон и другой монах Кирилл по царской надобности, и, во время многочисленных расспросов, заявили, что благочестивейший царь Иверии имеет родную дочь, молодую и весьма красивую. Царь и царица Мария, услышавши, [174] весьма обрадовались и пожелали взять ее в невесты сыну своему Феодору. Скоро они послали с ними в Иверию, в качестве апокрисиария, боярина Михаила Татищева со многою свитою и дарами и с ними отправили лучшего драгомана по имени Константина Сфотия, хорошо знающего многие языки: греческий, русский, турецкий, татарский и грузинский, дабы они привезли родную дочь царя Александра в качестве невесты сыну своему Феодору.

В том же году [т. е. четвертом] скончалась сестра царя, царица Александра монахиня, и похоронили ее в Вознесенском монастыре внутри Москвы с прочими великими княгинями и царицами. Она после смерти мужа ее прожила четыре года. В [память] этой царицы Александры монахини царь Борис роздал большую милостыню архиереям, священникам и во все монастыри не только в Москве и в России, но в Константинополь, и в Александрию, и в Антиохию, и в Иерусалим святейшим патриархам, архиереям, отправил великую милостыню на Святую Гору и во все монастыри Востока и Запада. Он возобновил и украсил многие церкви и монастыри, храм Богородицы, патриархию покрыл железною крышею, украсил, возвысил и покрыл золотом большую колокольню, в большом дворце внутренние палаты золотые расписал живописью, воздвиг вновь большой дворец близ реки Москвы, построил большой мост в середине Москвы со многими камарами, еще воздвиг с основания большой храм иже во святых отца

нашего Николая чудотворца в Москве на Арбате, устроил много серебряных раков, украсив их многочисленным жемчугом и драгоценными камнями, и переложил в них чудотворные святыи мощи святых, просиявшие в Москве и во всей России: иже во святых отца нашего всечестнейшего митрополита московского и всея России Алексея чудотворца, святого блаженного Василия чудотворца, преподобного отца нашего Макария, калязинского чудотворца, преподобного отца нашего Пафнутия, боровского чудотворца, устроил и другие многие ковчеги из чистого золота и положил в них все святыи [частицы] мощей, которые находятся в царской казне и которые патриарх вместе с царем и со всем архиерейским и священным чином приносят в великую пятницу с торжественною литаниею в соборную церковь Пресвятой Богородицы, и поют великие часы, и, после часов и вечерни, снова относят в соборный храм Благовещения в казну, где они хранятся. Этот же царь устроил плащаницу с изображениями Господа Христа с Божиею Матерью, двенадцатью апостолами и Иосифом и Никодимом из чистого кованного золота, тонкой работы, достойной удивления. На изображение Господа Христа пошло чистого золота 200 литр и на каждого апостола по 200 литр. Он же отлил два большие колокола, один для Москвы в патриархию, в который звонят в великие праздники, а другой в монастырь святой Троицы. Подобной величины колоколов и такой красоты нельзя найти в другом царстве во всем мире. Он возобновил и украсил девичий монастырь близ Москвы и совершил многочисленные другие прекрасные дела и украшения. Он прогнал татар далеко от русских границ, выстроивши на границах многочисленные укрепления большие и крепкие для защиты российского царства.

Но демон, всему завидующий и не могущий выносить созерцать добро и многочисленные превосходные деяния и добродетели прекрасного и благочестивого царя, - или по грехам нашим, или по иным причинам, Бог знает, - возбудил против него молодого человечешку и убогого монаха иеродиакона, по имени Григория, монаха великого монастыря архистратига Михаила внутри Москвы - монастырь святого нашего митрополита московского Алексея чудотворца, - и внушил ему желание царствовать. Он, удалившись в Польшу и имея с собою пособниками своего желания двух монахов, назвался сыном царя и великого князя великой России Ивана

Васильевича по имени Димитрием, который в царствование царя Феодора был убит в городе Угличе, где он находился под охраною, при содействии царя Бориса, как говорили многие, в бытность его боярином.

И некто князь по имени Адам Вишневецкий, услышав, так как монахи утверждали, что он истинно сын царя и великого князя Ивана Васильевича, взял его в дом свой, снял с него монашеские одеяния, одел в светский костюм и представил великому королю Польши. Великий же король, принявши его милостиво, поручил его сендомирскому воеводе господину Георгию на время, чтобы разузнать относительно него. Воевода сендомирский, принявший его в дом свой, имея и дочь девицу по имени Марию, условились друг с другом, что он возьмет ее в жены, что и случилось в непродолжительном времени. Этот воевода сендомирский, без совета и желания великого короля Польши Сигизмунда, собравши в качестве войска многих юношей к нему, который именовался Димитрием, сыном царя великой России Ивана Васильевича, начал выдавать его, именуемого Димитрием, что он сын царя великой России Ивана Васильевича. И когда они явились со многим войском на границы великой России в город Чернигов, то воеводы черниговские, услышавши молву о нем, что он сын царя Ивана всея России, приняли его с радостью без всякого замешательства или войны, как сына царя Ивана. Равным образом и Путивль, - и это укрепление большое и сильное, - принял его с удовольствием. Услышавши, и прочие города и народ поклонились ему, как царю и сыну царя Ивана. Царь Борис, получив это известие, смутился и, пославши многочисленные войска, с великим старанием преследовал его. Войско его [т. е. Лжедимитрия] было разделено на две части: сам он один с немногочисленным войском убежал в большую крепость Путивль и скрылся, а другая часть войска его вошла в крепость Кромы, крепость большую и сильную. Итак, неразумные осаждали Кромы, а не Путивль, которая была корнем и главою, в течение трех с половиною месяцев.

И 13 апреля месяца, в субботу, царь Борис, будучи здоров, после обеда, когда бояре удалились по своим домам, и сам царь Борис, удалившись из столовой во внутренний покой дворца, неожиданно скончался. Прибывший вскоре патриарх кир Иов едва успел и приобщил его Божественных Тайн и постриг его в монахи, назвав его

Боголепом монахом, т. е. Боголюбезным. Итак, патриарх, архиереи, священники, все бояре и народ похоронили его с великою честью и псалмопением во всечестном Архангельском храме с прочими царями и великими князьями, вблизи благочестивейшего царя Феодора. Все бояре и народ, лишившиеся такого царя и попечителя о царстве и милостивого во многом, сильно скорбели и оплакали [его] великим и весьма горьким плачем. О, несчастье! Сколь великое бедствие началось с того часа! Итак, весь синклит бояр, патриарх с архиереями и иереями и всем народом провозгласили и многолетствовали сына Феодора Борисовича царем и великим князем Москвы и всей России. Будучи в ту пору еще только 15 лет в большом дворце, и хотя он был юн, но прекрасен, достоин, образован, милостив, воспитан отцом своим ко всякому благодеянию, умен и способен на всякое слово и дело. Он великую и неисчислимую милостыню раздал по отце своем, как иной никто и никогда, всех голодных насытил, всех бедных обогатил, проще сказать, всех богатых и бедных преисполнил всяких благ и доставил им радость. О, неисследимых судеб твоих, Господи Христе Царю! Такой и столь добрый и незлобивый царь Феодор царствовал только 45 дней, только что совершил помин по отце своем, и не успел венчаться царскою диадемою, но несомненно, как я полагаю, был увенчан в царстве небесном.

И когда началось замешательство большое в войсках, находившихся под Кромом, то все войска, по грехам нашим, поклонились выдававшему себя за царя Димитрия, заключившемуся в крепости Путивль. Услышавши это в Москве, весь синклит и весь народ оставили своего доброго царя, с великою поспешностью отправились и поклонились провозгласившему себя царем Димитрием, направляющемуся из путивльской крепости. На пути он послал великого воеводу князя Василия Голицына и князя Василия Масальского с грамотою в Москву к патриарху, архиереям, иереям, к боярам и ко всему народу великой Москвы, чтобы они схватили и заключили царя Феодора, мать его царицу Марию и сестру его Ксению. Весь народ Москвы, услышавши об этом, исполненном яда, послании, тотчас, наподобие диких зверей, как разбойники, с ножами, дубинами и камнями устремился во дворец к царю Феодору и к царице Марии, вытащил их из дворца и заключил их в старом доме отца его, который он построил прежде воцарения. Быстро глупый народ забыл

великую доброту отца его Бориса и неисчислимую милостыню, которую он раздал им. Равным образом заключили и всех родственников его, близких людей и друзей и сослали в ссылку в места весьма отдаленные, а именно: достойнейшего великого боярина и первейшего сановника государства Стефана Годунова, Симеона Никитича Панского. Тело царя Бориса вынули из гроба, который находился в соборном храме Архангелов, ради поругания, и похоронили в маленьком женском монастыре, именуемом Варсонофиевским. Через пять дней умертвили царя Феодора и мать его Марию и похоронили их вблизи царя Бориса в Варсонофиевском монастыре, а сестру его царевну Ксению через пять месяцев постригли в монахини, назвавши ее Ольгою монахиною, и сослали в ссылку в Белоозерский женский монастырь. О, безумство и беззаконие людское, что они сделали, хотя сами все потом с женами и детьми испили ту чашу, которую приготовили.

Царь Димитрий, приблизившись к Москве на расстояние десяти миль, послал низвергнуть с патриаршего трона святейшего патриарха Иова. Снявши с него патриаршеские одежды, посланные облекли его в иноческое одеяние и отправили в ссылку в Стариц-кий монастырь; сослали в ссылку архимандрита великого Чудовского монастыря, именованного Варлаама, назначивши на его место другого, равным образом удалили и андрониевского архимандрита Василия.

Когда этот царь Димитрий вступил в великую Москву, то весь народ встретил его с великою церемониею; все архиереи и священники со всем народом вышли к нему навстречу с честными и святыми крестами и иконами, со множеством свечей и кадильниц на Лобное место, которое называется лифостротомом. Там, после великой литии, архиереи, благословивши, поднесли ему святые иконы, а по благословении все мы с новым царем пешком пошли в соборный храм Пречистой Богородицы. Поклонившись и поцеловавши святые иконы, по чину, [царь] вышел и отправился в соборный храм Архангелов, поцеловал святые иконы и поклонился гробам царей и великих князей, и гробам Ивана царя и Феодора царя поклонился и заплакал, сказавши громким голосом следующее: “Увы мне, отче мой и брате мой, царие! Много зла соделаша мне враждующие на мя несправедливо, но слава святому Богу, избавляющему мя, ради святых молитв ваших, из рук ненавидящих мя и делающих мне с неправдою, воздвигающему от

земли нища, и от гноища возвышай убога посадити его с князи, с князи людей своих”. Говоря со слезами, он провозгласил пред всеми, что отец его царь Иоанн и брат его царь Феодор. Так как все ничего не знали, то громогласно воскликнули: “Да, истинно сей - твой отец, а сей - брат твой, благочестивейший царь и великий князь всей России Димитрий Иванович!” И исполнилось слово Писания, говорящее: “Богатый возглагодал и вси похвалиша, и слово его вознесоша даже до неба”. Отправившись во дворец, он сел на царский трон, и поклонились ему все бояре, весь синклит двора и все войско, пришедшее с ним, и весь народ.

На следующий день он пригласил к себе всех архиереев, архимандритов и игуменов, дал совет им, чтобы они избрали патриарха, сказав при этом, что патриарх, святейший отец наш, господин Иов - великий старец и слепец и не может пребывать на патриаршестве, посему обсудите, чтобы назначить вместо него другого патриарха, кого вы выберете. Все ответили: “Хорошо ты определяешь, благочестивейший царь и великий князь всея России Димитрий Иванович; да исполнится воля твоя, как ты повелеваешь”. Поклонившись и благословивши его, они отправились в соборный храм Пречистой Богородицы. Совершив поклонение и помолясь, все архиереи вошли в придел Покрова Пречистой, т. е. в Покров Пресвятой, и, совершивши там литию, сели все на тронах. С ними находился и смиренный архиепископ архангельский господин Арсений. Поговоривши все единодушно друг с другом, решили: пусть будет снова патриархом святейший патриарх господин Иов, но так как он великий старец и слепец и не в силах пасти великую церковь Христову и столь многочисленную паству, то перерешили не его оставить, но избрать другого вместо сего старца и слепца, патриарха кир Иова, для смотрения за великою церковью Христовою и за словесными овцами Христа. И действительно, законно все архиереи единогласно избрали и нарекли преосвященнейшего архиепископа рязанского кир Игнатия патриархом Москвы и всей России и, подписавши кодекс, показали царю и синклиту. Царь и весь синклит одобрили избранного патриарха.

(Восшествие архиепископа рязанского кир Игнатия, некогда епископа Ериссо и Святой Горы, на патриарший трон Москвы)

(Заглавия, которые мы заключаем в скобки, взяты нами с полей рукописи. Писаны они киноварью. - Примеч. А. Дмитриевского.)

В 30 день июня месяца, в воскресенье, возвели преосвященнейшего архиепископа рязанского кир Игнатия и нареченного на великий и высочайший патриарший трон великой Москвы и всея России, на память славнейших 12 апостолов, в воскресенье, когда совершалась с великим торжеством литургия, в присутствии царя, синклита и всего народа. После литургии царь в большом дворце приветствовал патриарха, архиереев, священников и весь синклит. После трапезы царь одарил многими дарами патриарха и архиереев, и все возвратились домой с великою радостью.

Царствование и самодержавие царя и великого князя Димитрия из монахов

В 7113 (1605) году, 7 числа июля месяца, в воскресенье, патриарх великой Москвы и всей России кир Игнатий со всем своим архиерейским собором, со всеми великими боярами, синклитом и всем народом во всечестном соборном храме Пречистой Богородицы венчали в цари великой Москвы и всей России именуемого Димитрием Ивановичем. Во время торжественной церемонии был украшен царский дворец и разостлана по всему полу дворца и по пути, ведущему из дворца в соборную церковь, и по всему полу церкви и от церкви Пречистой до соборного Архангельского храма и по всему полу Архангельского собора затканная золотом бархатная парча, и, таким образом, царь пошел со всеми боярами и синклитом в соборную церковь и встал на уготованном и высоком месте посредине церкви, и там был венчан патриархом кир Игнатием царским венцом, диадемою и короною отца своего Ивана Васильевича, присланною от кесаря, великого царя Алемании, в присутствии на том же высоком месте архиереев. После венчания всеми царскими регалиями патриархом [царь] пошел в соборный Архангельский храм, поклонился и облобызал все гробы великих князей, вошел и внутрь придела Иоанна Лествичника, где находятся гробы царей Иоанна и Феодора, и поклонился им. Там, в приделе, стоял хорошо убранный аналогий, на котором находилась корона благочестивейшего князя Владимира Мономаха. И там венчал его этою самою короною великого князя Владимира Мономаха смиренный архиепископ архангельский, некогда елассонский и Димоника из Элады, возложил ее на голову его, молясь

и сказав: “АхiоV”. Певцы пропели то же самое: “АхiоV”. И после того, как он был коронован, отправились в великий храм Пречистой Богородицы, и там находившиеся патриарх и архиереи, когда вошли в церковь Пречистой Богородицы, начали божественную литургию. По окончании божественной литургии все отправились в большой дворец, так как была приготовлена трапеза. После этой большой трапезы царь, почтив великими дарами патриарха и архиереев, отпустил их домой.

Итак, царь этот, будучи образованным и мудрым, мудро управлял и царством, подражая царям, прежде него бывшим, и в особенности стремился, чтобы превзойти их во всяком царском деянии и успехе, полюбив, однако же, более славу человеческую, нежели славу Божию.

(Возвращение из ссылки Марии царицы и остальных опальных)

Этот царь Димитрий вызвал всех опальных, сосланных в ссылку и заключенных в темницы царем Борисом: царицу Марию, называемую Марфою монахиню, супругу царя Ивана, возвратил из заточения и, как мать свою, почтил великою честью, и братьев ее и весь род ее весьма почтил; сыновей Никиты Романовича, четырех братьев, которые находились в ссылке и были заключены в темницу Борисом, двоюродных братьев царя Феодора, вызвал из изгнания и весьма почтил: первого, по имени Феодора, ложно оговоренного, [царь Борис] не только сослал в ссылку, но и от жены его отлучил, постриг в монашество и заключил его в тюрьму. Феодор после того, как был вызван из ссылки, по приказанию царя, когда патриарх и синод разрешили ему принять свою жену, еще в живых находящуюся, и снять с себя монашеские одежды, надетые на него вопреки канонов и силою, не пожелал, но так как, будучи и мудрым и боящимся Бога, не решился снять с себя монашеский сан, то, снова приглашенный к царю, патриархом и архиереями был рукоположен ростовским митрополитом с именем Филарета. По имени и деяние его было поистине милостивое. Жена же его, будучи благородною и благоразумною, постриглась и сама в монахини и, вместо Марии, в божественной ангельской схиме получила название Марфы монахини. Имеющемуся у них сыну, по имени Михаилу, царь весьма много оказал почестей.

(Совещание)

Итак, спустя два месяца, в том же году его царствования, посоветовавшись с боярами, синклитом двора относительно того,

чтобы взять себе в жены Марину, дочь польского сендомирского воеводы Георгия, все порешили взять ее, если она будет перекрещена в нашей восточной церкви. И, таким образом, он отправил в Польшу великого боярина князя Василия Масальского и великого логофета Афанасия Власьева с многочисленными подарками и деньгами на расходы, и они привезли ее. С нею прибыл отец ее Георгий, воевода сендомирский; явились с нею на брачное торжество два брата ее, многие польские бояре и боярыни, многие из благородных фамилий юноши и девицы. Всего прибыло с нею душ более шести тысяч. Явились они с великим торжеством, а для нее была устроена величественная встреча. Все бояре и начальствующие в блестящих одеждах вышли навстречу ей из Москвы, в предшестве, по чину, царя, бояр и народа. После того, как была приготовлена встреча, царь с немногими боярами возвратился во дворец. Вся церемония встречи Марии, дочери сендомирского воеводы, прошла со славою и великою честью, каковые никто не в состоянии описать по причине их великолепия и торжественности. В большой сребровызолоченной карете сидела Мария со многими молодыми девицами. В карету были запряжены избранные двенадцать коней, все белой масти, кругом кареты на конях ехали боярские дети в золотых одеждах, впереди кареты находились многочисленные избранные молодые вооруженные пешие воины с ружьями на плечах и с серебряными мечами у пояса, а впереди пеших воинов ехало на конях множество других вооруженных воинов с оружием избраннейшим и сребровызолоченным, и впереди этих воинов на коне, в золотой одежде, ехал главнокомандующий, держа в руках сребровызолоченный жезл; впереди главнокомандующего находились многочисленные доброгласные органы: трубы, кимвалы, тимпаны и бубны и другие иные музыкальные инструменты, игравшие по пути во все время шествия. Сзади близ кареты находился отец ее, братья и родственники, а за ними сзади в каретах в четыре лошади сидели многочисленные боярыни. Когда вошли в великую Москву, то царица Марфа монахиня, мать царя, встретила ее [Марину] с великою честью в приготовленных для нее великих палатах в девичьем монастыре Вознесения Христа Бога нашего, пробыв с этою матерью царя восемь дней, так как шло приготовление к браку. Когда были окончены все приготовления во

дворце, ночью прибыла в него Мария с царицею Марфою монахинею, с отцом своим, с братьями, боярами мужчинами и женщинами.

Когда наступило 8 мая, то, с великим чином, торжественностью и честью соединившись, царь Димитрий с Мариеною вышли из дворца в сопровождении всех бояр, синклита, мужчин и женщин, со славою и торжественностью великою. Весь пол дворца и путь, ведущий в соборный храм Пречистой Богородицы, и весь пол соборной церкви были устланы бархатною парчою, затканною золотом. При входе в церковь их встретил патриарх с архиереями и благословил их честным и святым крестом. Певцы пропели ей царское многолетие. Патриарх, взявши обоих, в сопровождении архиереев вошел на приготовленное высокое место посредине церкви, все покрытое и украшенное бархатною с золотом парчою. Вверху на этом высоком месте стояли три сребровызолоченные скамеечки с драгоценными подушками для патриарха, для царя и невесты [его] Марии. Они сели на эти скамеечки, а архиереи сели на ступеньках возвышенного места на золототканые подушки. Пред Царскими дверями, на приготовленном хорошо убранном столике, лежали царские одежды царицы. Патриарх, царь и все архиереи, сидящие с ними, встали, патриарх сказал: “Благословен Бог наш”. Во время чтения молитв патриархом и архиереями, по чину, два архиерея принесли царские одежды, каждый по одной, по чину. Патриарх, принявши их, благословил их и возложил на царицу Марию, при помощи архиереев. Царь, будучи наперед коронован царскими одеждами, стоял [на своем месте]. По возложении на царицу всех одежд, когда патриарх прочитал молитвы, певцы пропели “АхюV” и многолетие. По возложении одежд и по прочтении молитв царь и царица, оба облаченные в царские одежды, сошли вниз и, в предшествии патриарха, вошли на высочайший царский трон, оставаясь для выслушания божественной литургии. Патриарх начал божественную литургию, и по окончании ее певцы пропели царское многолетие, по чину. После божественной литургии благовещенский протопоп Феодор повенчал их посредине церкви пред святыми вратами. И после венчания своего *оба они не пожелали причаститься Святых Тайн*. Это сильно опечалило всех, не только патриарха и архиереев, но и всех видевших и слышавших. Итак, это была первая и великая печаль, и начало скандала и причина многих бед для всего народа московского и всей Руси. После венчания они отправились во

дворец, по чину, на пути осыпаемые бесчисленными серебряными деньгами и немалым количеством флоринов. Когда вошли во дворец царь, царица, все бояре и боярыни русские и польские и весь синклит, то началось великое торжество и все, что относится к браку. Патриарх и архиереи после божественной литургии удалились домой.

В следующее воскресенье патриарх, архиереи, архимандриты и игумены и мы пошли во дворец с многочисленными подарками царю и царице, состоящими из сребровызолоченных икон, бархатов золототканых, сребровызолоченных кубков, рытых бархатов и соболей. Мы пришли во дворец, когда там уже ожидали весьма многие знатные бояре и другие лица, пришедшие со многими дарами и желающие преподнести их царю и царице. Вошедши в золотую палату вслед за архиереями, патриарх сначала благословил царя и царицу, сидящих на царских богатых тронах, и сел справа близ царя на малом троне, хорошо убранном. Поднявшись, патриарх поднес царю все подарки, предварительно и потом благословивши его; равным образом он поднес подарки и царице, благословив ее. Точно так же благословили царя и царицу все архиереи и вручили подарки, а архимандриты и игумены поднесли дары царю и царице, поклонившись. Итак, не показалось приятным патриарху, архиереям, боярам и всему народу, видевшим царицу, одетую в неизвестную и иноземную одежду, имеющую на себе польское платье, а не русское, как это было принято в царском чине и как это делали цари прежде него. Все это весьма сильно [всех] опечалило. Это послужило причиною и поводом ко многим бедствиям, к гибели царя и всего народа обеих национальностей, русских и поляков.

(Позорная смерть царя Димитрия из монахов)

Через шесть дней бояре и весь синклит двора, устроивши совещание, предали сего царя Димитрия позорной смерти. Скинувши с него царские одежды, нагим тащили его вон из дворца по улице и бросили его нагого на площадь. Там в течении четырех дней он находился без призора и непохороненным. Все, видевшие его, насмехались над ним и называли его преступником, лжецом и расстригою. Позорили его и жестоко насмехались над ним мужчины и женщины, малые и большие. После позорной смерти его люди недаленовидные выдали свите ее царицу Марию, которая и послужила причиною всех бед, как некогда Елена для великого города Трои, не

предвидя по недалёковидности грядущее, что может произойти отсюда.

Народ московский, без согласия великих бояр, бросился на поляков и многих бояр, боярынь, многих благородных детей и многих воинов умертвил и отнял у них имущество и оружие их. Великие бояре и дьяки двора и писцы с великим трудом и усилием успокоили неразумный народ, так как он намеревался стереть с лица земли всех пришедших из Польши. После четырех дней, извлеки труп его, сожгли вне Москвы, и в тот час, в который извлекли труп за город, пала вся крыша великих ворот крепости. Кровля была большая, высокая и прочная. Это послужило признаком начала ужасных бедствий. Этот Димитрий процарствовал в великой Москве десять месяцев и прежде венчания на царство месяцев восемь и двенадцать дней. Царствование не принесло пользы ему, а скорее причинило вред.

Царствование благочестивейшего царя и великого князя Василия Шуйского Храброго

Через три дня по кончине царя Димитрия все бояре и синклит и народ великой Москвы, без согласия всего народа великой России и прочих городов и начальников, провозгласили царем великой Москвы и всей России Василия Шуйского. Бояре и синклит, пришедши с ним во всечестный соборный храм Пречистой Богородицы, в понедельник, с архиереями без патриарха кир Игнатия, низложенного в воскресенье с патриаршего трона без какого-либо законного расследования, пропели молебен. В следующее воскресенье, 26 мая месяца, во всечестном храме Пречистой Богородицы архиереи, имея во главе Исидора, преосвященнейшего митрополита Великого Новгорода, короновали сего царя Василия Шуйского, взявши с князя Василия Шуйского предварительно клятву, в присутствии всех и пред св. крестом, в том, что он не будет невинно пытаться бояр и народ по каждому делу; что пусть не наказывается отец за сына, ни сын - за отца, ни брат - за брата, ни родственник - за родственника, только виновник пусть несет наказание, после тщательного расследования, по законам, согласно с виною его, а не так, как прежде [было] во времена царя Бориса, который за одного преступника наказывал многих, и происходили [отсюда] ропот и большая несправедливость. Царь этот Василий оказался весьма скупым и неблагодарным, и не воздал почестей воинам и не дал обычных даров боярам и священникам,

которые раздавали прежние цари, под тем предлогом, что его предшественник, царь Димитрий, расточил царскую казну, а он значительно увеличил ее, потому что получил многочисленные подарки от бояр и народа и бояр польских и не успел отдарить их; все подарки остались в царской казне. По этой причине быстро начались для него многие бедствия и создались поводы к многочисленным скандалам для него со стороны обиженных бояр и всего народа, провозгласивших, что царь Димитрий убежал. Другие признали многих сыновей у царей Иоанна царя и Феодора, и большинство, оставивши его [Шуйского], последовали [за ними] и служили им. В крепости Путивльской признали некоего юношу по имени Петра, называя его сыном царя Феодора Ивановича, которому поклонились многие города, вся Северская земля, Калуга и Тула, укрепленные города, и воцарился он в Туле. Царь Василий, явившись в Тулу с многочисленным войском, осаждал ее в течение семи месяцев. С трудом она была предана ему после того, как царь Василий дал клятву, что он не предаст смерти Петра и воевод, бывших с ним, и что он не причинит вреда ни гражданам, ни городу. И после того, как город сдался, царь не сдержал своей клятвы и первого его воеводу Ивана Болотникова отправил в Москву на показ всем. И назначивши в Туле своего воеводу и судей, быстро отправился и сам в Москву, оставив город Калугу и другие города невзатыми, и даже не выслал воинов взять их, чтобы не дать воинам положенных наград. Все возвратились в Москву, и все воины, покинувши его, разошлись по домам. Упомянутого Петра, именуемого сыном царя Феодора, преступивши клятву, [царь] повесил, а Ивана Болотникова, как достойнейшего мужа и сведущего в военном деле, и прочих с ним, удаливши в далекое изгнание, тайно умертвил там. Итак, когда все это произошло, весь народ был весьма возмущен и пришел в негодование против царя. И снова крепость Путивль и вся Северская земля провозгласили царем Димитрия, так как он жив и царствует. Царь Василий, услышавши это, царицу Марию и отца ее и бояр, приехавших из Польши, отправил из Москвы в отдаленное изгнание, во внутренние города России. Итак, если бы он пожелал взять себе в супруги царицу Марию, так как он был вдов и в ту пору не имел супруги, при полном желании самой царицы, ее отца Георгия Сендомирского и всех его сторонников, то он не лишился бы царства, - но он предпочел взять себе [в супруги]

молодую и красивую девушку и избрал и вступил в брак с юною красивою девицею, дочерью князя Петра Ростовского, - девица была красивейшая и разумная, - от которой он имел двух дочерей Анну и Анастасию.

Действительно, царица Мария послужила [причиною] гибели и разрушения всей России и великой Москвы. Как некогда Елена была [причиною несчастья] для Трои и всей Фригии и Эллады, так и она сделалась тем же для Москвы, России, Неметчины и Польши; и как там умерли от убийственного меча многие храбрые и благородные мужи и особенно цари: великий и славный храбростью, умом, благородством и красотою Ахиллес и мужественный великий Гектор, сын царя Приама и Гекубы, великий и славный мужеством Аякс, сын Эака, Патрокл, самый любимый родственник великого Ахиллеса, и многие другие и бесчисленные [мужи], точно таким же образом и эта царица Мария в России послужила причиною гибели многих: из царей одного предала мучительной смерти, а другого сослала в отдаленную ссылку; супруга своего, одетого в рубище и тяжко осужденного, отлученного от жены и детей, братьев и родственников, предала позорной смерти и, наконец, огню; отцу же и братьям причинила огорчение и довела их до великой нищеты и скитания на чужбине; великую Москву сожгла, многие города великой Руси и деревни опустошила, множество мужей погубила не только русских, но поляков и немцев.

Снова возвратимся на подлежащее.

Итак, Путивль и другие города Северской земли провозгласили царем другого, юношу благоразумного, прекрасного, милостивого, весьма образованного и искусного в военном деле, называя его Димитрием, убитым пред тем царем. На его стороне оказались не только русские, но и поляки, родственники царицы Марии, и родственники, знакомые и друзья убитых пред тем в Москве, чтобы отомстить за несправедливо пролитую кровь. Услышавши это, царь Василий послал брата своего князя Димитрия с великим войском, и когда произошло сражение, то князь Димитрий, брат царя, потерпел сильное поражение, и сам и бывшие с ним убежали ни с чем, без всякого оружия. Этот князь Димитрий удалился в Москву, а прочие все, куда успели. Эта битва происходила вблизи Волхова. Димитрий, именуемый новым царем, захвативши пушки и весь военный снаряд, и

богатство, и все, что необходимо для войны, у войска князя Димитрия, брата царя, храбро и с великою радостью прибыл в Москву, не встретив ни с чьей стороны никакого препятствия; все - и всякий город и деревня выражали ему покорность. Подчинился ему и великий Владимир, только Смоленск и Коломна, по грехам, не подчинились, прочие же города, одни путем убеждения, а другие путем завоевания были захвачены. Сам он устроил стоянку вблизи Москвы в семи милях, в местечке, называемом Тушино. Он осаждал Москву в течение восемнадцати месяцев и не овладел ею по причине многочисленного народонаселения города, но во время войны с обеих сторон были убиты многие. Итак, когда они воевали в течение долгого времени, выступил в поход великий король польский Сигизмунд и осадил город Смоленск, чтобы взять его, и, весьма долго осаждавши, не овладел им. Великий король отправил посла к царю Димитрию с грамотою, содержание которой никому не известно. Сам же Димитрий, испугавшись посланника, наслышавшись ложных известий, так как при нем находилось много польских солдат, тайно убежал в Калугу, покинув царицу свою Марию, дочь воеводы Сендомирского, которую, не желая взять себе [в супруги], царь Василий отпустил с отцом ее и со многими боярами, оставшимися от вышеописанного убийства. Царь Василий и Мария царица и послы великого короля Александр и Николай, заключивши клятвенный договор с послами короля предшествующего года относительно того, чтобы они возвратились в Польшу к великому королю, дабы утвердить условия мира, которые они высказали и скрепили клятвою, и, таким только образом, царь позволил всем им иным путем удалиться на родину. Они же или добровольно, или силою были на пути задержаны царем Димитрием, и он взял царицу Марию, говоря, что она - жена его; согласилась и подтвердила и она и отец ее, заявивши пред всеми, что он прежний ее муж, царь Димитрий, венчанный в Москве. Нарушили [таким образом] клятвы и обещания царица Мария и отец ее и все находившиеся при них. Итак, сам царь Димитрий, как я сказал, убежал тайно в Калугу. Все виновники многих злодеяний с радостью приняли его в Калуге, войска же его разошлись, одни удалились в Москву, другие к великому королю под Смоленск, а третьи к нему в Калугу. Итак, когда это случилось, царь Василий, собрав большое войско, под командою брата своего Димитрия Шуйского отправил его против великого короля.

Когда произошла битва с полководцем великого короля Станиславом Жолкевским, князь Димитрий, брат царя, был разбит наголову и убежал назад в Москву сам и все с ним бывшие. Немалочисленные изменники царя Василия, захвативши наперед некоторых бояр Москвы, отправились к великому королю, находившемуся под Смоленском, умоляя и прося его дать сына его Владислава в цари великой Москвы и всей России. Великий король, с радостью выслушавши их просьбу, обещался исполнить [ее]. Эти русские бояре послали в Москву письмо, написавши об обещании великого короля относительно сына его Владислава. Бояре Москвы и весь народ, услышавши об этом, с великою радостью приняли обещание великого короля. Великий король отправил грамоты к боярам и народу и к великому своему полководцу Жолкевскому с просьбою договориться о мире. И когда пришел полководец Станислав Жолкевский под Москву с большим войском, то раскинул свои палатки вблизи Москвы, по ту сторону реки, на поле, не встречая сопротивления ни с чьей стороны, потому что приход его был весьма приятен. В эти дни вернулся из Калуги и именуемый царь Димитрий с великим войском под Москву, и поставил он свои палатки по другую сторону реки, на поле, с другой стороны Москвы. Бояре же и весь народ московский с патриархом, с архиереями и священниками обсудили наперед и предпочли иметь царем и великим князем их Москвы сына великого короля Сигизмунда Владислава. И сговорившись друг с другом, удалили царя Василия из царского дворца и отправили его и царицу Марию в старый дом его. И спустя три дня, вопреки его желанию, постригли его в монахи, назвавши его Варлаамом. Равным образом постригли в монахини и царицу Марию. Царя монаха Варлаама заключили в Чудовском монастыре, т. е. [Алексея] чудотворца, а царицу - в женском монастыре Иоанна Предтечи. И по окончании царствования Василия Шуйского вышел из Москвы великий боярин князь Феодор Иванович Мстиславский и многие другие с ним бояре и дьяки и многие из синклита, в воскресенье, и соединились с полководцем великого короля Станиславом Жолкевским, и повели речь о мире. И согласившись друг с другом, они произнесли между собою страшную клятву, чтобы никто не был изменником, пренебрегши условия. Итак, услышавши это, царь Димитрий снова бежал в Калугу с немногими солдатами, потому что все поляки оставили его. Конечно, ради

прочной верности они написали и грамоты по-русски и по-польски, заключающие в себе границы и чин царства, дабы они были неподвижны и нерушимы великим королем и царем Москвы и всей России Владиславом, сыном его. И когда установилась дружба и великий мир между русскими и поляками, явился в Москву великий полководец Станислав Жолкевский и все войско его и обдумывали, что предпринять относительно царя Димитрия, потому что он снова царствовал в Калуге и над всею Северскою землею. Итак, в это время отправил патриарх кир Гермоген и архиереи, и бояре, и весь синклит двора, и весь народ Москвы митрополита ростовского кир Филарета, великого боярина князя Василия Голицына, князя Даниила и Захария Ляпунова из Рязани и Томило, великого дьяка дворца, и архимандритов, игуменов, протопопа, и священников, и диаконов, царских секретарей, и купцов с грамотами и многочисленными подарками по чину и чести к великому королю Польши Сигизмунду на поклон и с просьбою относительно сына его Владислава, высказывая удовольствие и желая, чтобы он царствовал над ними и был царем и великим князем Москвы и всей России. Эти же все, явившиеся к великому королю и поклонившиеся ему, передав грамоты и многие дары, были приняты весьма радостно, прося сына его, чтобы он дал его им на царство у них в великой Москве и во всей России и во всей северной стране. Король охотно принял их просьбу и согласился исполнить это вскоре, но не выполнил требуемого ими до конца, пребывая там в войне, чтобы овладеть Смоленском. Итак, великий король отправил в Москву грамоту к боярам и народу с просьбою, чтобы они прислали к нему для большей верности Василия царя, называемого монахом Варлаамом, и братьев его князя Димитрия и князя Иоанна. Они, получив грамоту, скоро отправили его и братьев его. Явившийся к великому королю царь Василий был принят любезно сам и его братья. Великий король, сняв с царя Василия, в монашестве Варлаама, монашеские одежды, облек его в мирские и отправил его вместе с братьями его в Польшу под охрану. Итак, великий король продолжал осаду, чтобы взять Смоленск. Спустя три месяца был убит царь Димитрий в Калуге от некоего князя Петра ногойца. И по причине медлительности и непостоянства короля, не желающего решиться, чтобы дать [в цари] сына своего, и осаждающего Смоленск, не произошло ничего хорошего. Итак, жители Москвы и всей России,

услышавши, что великий король воюет против Смоленска и сына своего не желает дать, весьма опечалились, и не только русские, но и все польские воины. Итак, русским и полякам, отправившим послов с грамотами к великому королю, он не дал ответа - отпустить или не отпустить [сына царствовать], продолжая осаждать Смоленск. Удалившийся с немногими людьми полководец Станислав Жолкевский, оставивши в Москве пана Александра Ивановича Гонсевского, пошел за войсками к великому королю, чтобы укрепить соглашения и написанное относительно мира и послать сына его, как сказали раньше, в великую Москву в качестве царя, потому что избрал сего сына великого короля, Владислава Сигизмундовича, великий патриарх Москвы и всей России кир Гермоген с архиерейским собором и синклитом и всем народом. Но и этот не мог изменить мнения великого короля. Случайно он слушался несправедливых убеждений врагов и не решился послать сына своего, но осаждал Смоленск, который, по причине непокорности своей, не только погубил себя самого, но и многие города и деревни совершенно опустошил и самый великий город Москву привел в ничтожество. Все жители Москвы и города России, услышавши, что великий король не желает давать сына своего в цари им и, поправ договоры, утвердить написанное, заключенное с главнокомандующим Жолкевским, бесчестили воинов великого короля. Восставшие города - Калуга, Рязань и другие города назначили воеводу боярина Прокопия Ляпунова из города Рязани и другого с ним, Ивана Мартыновича Заруцкого, командующими войсками, - помимо согласия и желания бояр и народа великой Москвы, потому что Москва еще ожидала сына короля.

Некоторые говорили, что восстание городов и народа произошло по совету патриарха кир Гермогена, хотя истину ведаёт Господь, потому что сам он отрицал это.

Разорение великого и царствующего града Москвы. Увы, горе!

В 7119 (1611) году, марта 19, в великий вторник, без всякого совета или боярского согласия русских или поляков или богатых хороших людей, было учинено восстание немногими неизвестными людьми, людьми без роду и пламени, глупыми и пьяными холопами. Неизвестные и глупые зачинщики ударили, без воли священников, бояр и народа, в колокола к восстанию. Холопы бояр, вышедши и видя смятение и народное волнение, начали рубить солдат и убивать людей

на площади. Пан Александр полководец объявил воинам своим, чтобы они не чинили убийств, [и] не мог остановить их; равным образом и русские бояре, дав приказание рабам своим, не были в силах сдержать их; к тому же и глупые люди без роду из народа не слушали их, но с радостью и великим голосом кричали: “Пришел Прокопий Ляпунов!” Рабы польские, поджегши внешнюю большую крепость, при сильном ветре, сожгли множество домов и церквей. Пламя едва к вечеру потухло, пожигая дома и церкви. Бояре русские и польские, вышедши, на следующий день провозгласили мир. Снова глупые и неизвестные проходимцы не послушались, но пожелали убить их, говоря: “Пришел Прокопий Ляпунов; сегодня и завтра мы всех вас истребим”. И распустивши солдат, снова подожгли и сожгли внешнюю большую крепость. И когда пылали дома и церкви, то одни солдаты убивали народ, а другие грабили дома и церкви. И весь народ и все жители Москвы были истреблены, одни убийством меча, другие огнем. И такой великий царственный город был совершенно доведен до убожества, так как солдаты учинили бесчисленные грабежи: они ограбили и разрушили центральную часть города, церкви, базар, все лавки и боярские дома. Лавки разрушили до основания, отыскивая сокровищ. Убили и великого боярина, князя Андрея Голицына, брата великого боярина князя Василия Голицына, который был отправлен послом к королю; убили и многих других бояр и богатых купцов и захватили их имущество. Бояре московские изгнали и святейшего патриарха кир Гермогена из патриархии и заключили его в подворье святого Кирилла [Белоозерского], снявши с него архиерейские одежды без архиерейского собора, одели его в монашеские одежды, так как имели на него большое подозрение и гнев, говоря, что при его содействии произошло народное восстание, разрушены крепости, потеряно и пролито столько христианской крови, - не зная наверное. Народ же всей Москвы, бояре и начальствующие, богатые и бедные, мужчины и женщины, юноши и старцы, мальчишки и девочки бежали не только от страха перед солдатами, но более всего от огненного пламени; одни, по причине своей поспешности, бежали нагими, другие - босыми, и особенно при холодной погоде; бежали толпами, как овцы, бегущие от волков. Великий народ, многочисленный, как песок морской, умирал в бесчисленном количестве от холодов, от голода, на улицах, в рощах и в полях без всякого призора,

непогребенным. Благородные бояре и боярыни, дети боярские и боярышни и весь народ московский был рассеян и погублен гораздо хуже, осмеливаюсь сказать, чем некогда были погублены Содом и Гомор и Ниневия, град великий, потому что эти города быстро и в короткое время были разрушены от гнева Господня, один посредством огня, а другой посредством воды, великая же Москва была приведена в ничтожество посредством многих наказаний: огнем, холодным временем, убийством меча и голодом. О, несчастье! О, долготерпение Твое, Господи! Кто может изрещи безвестная и тайная премудрости Твоя или исчислити глубину судеб Твоих, по пророку Давиду, говорящему: *Судьбы Божия бездна многа*. Буди милостив к нам, Господи! Такой богатый народ, великий и бесчисленный, призванный именем Твоим святым, был предан тяжкой смерти. Народ великий, род избранный, благочестивый, самый христианский, бесчисленный, как песок морской. *Праведен еси, Господи, и правы суди Твои*, вся устрой на пользу.

Мы слышали от многих, что в трех укреплениях великой Москвы находилось мужей и жен, юношей и старцев всего душ триста мириад, т. е. три раза тысячу тысяч. Итак, такое множество народа было истреблено и бежало из великой Москвы, чтобы избавиться убиения мечом и огнем. И был плач, рыдание великое и вопль много, так как отцы и матери видели и слышали, что дети их убиты и преданы смерти, одни посредством огня, другие посредством меча, а третьи умерли от холода и голода. В свою очередь и дети видели родителей своих и братьев и родственников, бедствующих от всякого рода несчастий и терзаемых скорбью, плакали горько и жалостно. О, какое разрушение произошло в славной и великой Москве! Царица и госпожа многих городов сделалась поношением и унижением у многих народов. О, несчастье! Умилосердись, Господи, и не даждь нам по грехам нашим погибнуть до конца, дела рук Твоих есмы, яко Тя призываем и Тя благословляем вся дни живота нашего, молитвами Пречистые Твоя Матери Богородицы и Приснодевы Марии, бессеменно заченшей Тя, милостивого и благоуветливого Бога Нашего, Господа Нашего Иисуса Христа, и светлейших святых Твоих ангел, и честного Твоего славного пророка Предтечи и Крестителя Иоанна и всех Твоих святых, от века Тебе благоугодивших.

27 марта месяца, в новую (фомину) среду, пришел русский главнокомандующий Прокопий Ляпунов из Рязани с большим и многочисленным войском; с ним находился и Иван Мартынович Заруцкий. По этой причине произошло еще большее разорение и великое избиение поляками, которые жгли и убивали оставшихся русских из опасения, чтобы они не были предателями и изменниками. Прокопий с войском своим овладел всеми монастырями, находящимися вокруг Москвы, только не мог взять девичий монастырь, потому что он был сильно защищен поляками и многочисленными немцами, находившимися внутри, и множеством пушек. В несколько дней он овладел внешним большим каменным укреплением, сожженным огнем. Внешнее укрепление деревянное сгорело в пламени все дотла. Русские [против] внутреннего укрепления устроили плетни и рвы и установили пушки и каждый день храбро нападали на оба внутренние укрепления, находившиеся в руках поляков; в свою очередь и поляки и немцы изнутри отражали нападения, и с обеих сторон были убиты многие. Все это произошло по той причине, что король не хотел дать сына своего в цари им, как обещался. *Говорилось* (в Польше), что он или даст сына своего в цари им, или оставит Москву, всякое местечко и деревню сей великой России испепеленными, и они возвратятся восвояси в Польшу с миром, с великою и страшною клятвою. Поляки же, находившиеся в Москве, не желали этого.

12 июня месяца прибыл от великого короля с большим войском и пан Иван Сапега. Все поляки вступили в бой с русскими обоих полков; никакое войско не одержало победы, только в среде их произошли многочисленные избиения. Это случалось часто, и погибали из среды их многие без победы. И так как поляки находились в большом затруднении от голода, то пан Иван Сапега со многими солдатами отправился по городам и деревням, чтобы наградить и доставить продовольствие в Москву, потому что войско его в Москве весьма сильно пострадало от голода. Пан же Александр Гонсевский с лучшими из войска и многочисленными солдатами охранял Москву. Пан Александр, будучи благоразумным и боясь Бога, управлял обеими сторонами, русскими и поляками, и словом и делом, ожидая ответа от короля. Он утешал русских бояр и народ и, смилостивившись, многих мужей и жен, истощенных от голода, отпустил на волю, и многих

накормил, умоляя и уговаривая народ свой, русских и поляков, к твердости и миру. Когда пан Ян Собесский отправился, 4 июля месяца, со многими воинами в города и деревни, чтобы награть провианта, то Прокопий со многим войском взял все большое укрепление кругом, и большие западные башни, и всех немцев, одних взял живыми, а других убил; и заключил всех поляков внутри двух укреплений; и воевали старательно день и ночь русские извне, а поляки изнутри. 28-го, в воскресенье, с большим трудом русские взяли женский монастырь, не сделав никаких убийств в монастыре, потому что добровольно покорилось большинство, которое, спустя некоторое время, сделалось изменниками.

(Смерть Прокопия)

В 3 день августа месяца, в субботу, или по воле Божией, или по грехам нашим, или по зависти диавольской, или по человеческой глупости, главнокомандующий Прокопий Ляпунов, который, дабы утвердить великое правосудие в народе и в войсках и достигнуть тяжкими наказаниями и военными приказами, чтобы не чинилась никакая неправда ни в народе, ни среди солдат, наказывал злодеев, грабителей и обидчиков, - казаками, затаившими злобу и рассерженными, без боярского и народного решения, неожиданно, как разбойниками и дикими зверями, был изрублен ими на многие части на глазах народа. Войска и народ, видевшие неожиданную и злую смерть Прокопия, сильно были опечалены, много плакали и горевали, лишившись такого великого мужа, прекрасного и достойного полководца, хотя не знали, что делать, так как боялись сильно казаков, по причине возмущения [их]. Вместо сего Прокопия они сделали главнокомандующим Ивана Мартыновича Заруцкого, человека достойного и сведущего в военном деле, и Андрея Просовецкого, которые очень много воевали словом и делом даже до смерти. Случайно, во время смерти Прокопия, возвратился пан Ян Сапега из деревень и городов, которые он грабил, и в тот час, в который он вернулся в Москву, так как русские стражи, по случаю волнения и смерти Прокопия, не находились в воротах, воины пана Яна Сапеги неожиданно вошли внутрь [города] чрез Никитские ворота. И после этого поляки изнутри и пан Ян Сапега извне со всем польским войском отворили западные ворота Москвы; и поляки, освобожденные из

заклучения, ожидающие помощи и войска от великого короля день на день, входили в Москву и выходили.

(Смерть пана Сапеги)

5 числа сентября месяца скончался и пан Ян Сапега, и оплакали его не только многие поляки, но [и] русские, которые имели общение с ним, потому что он был человек весьма прекрасный, сострадательный, достойный, приятнейший и весьма благородный. В десятый день месяца сентября русские московские бояре и бояре паны польские: пан Александр Гонсевский и все другие отправили с грамотами послов: князя Георгия Никитича Трубецкого, Михаила Глебовича Салтыкова, Михаила Александровича Нагого, Василия Иосифовича Иванова и Феодора Ивановича Андропова. Русские и поляки отправили и польских великих панов и воинов в немалом количестве к великому королю Польши, пиша и умоляя, чтобы он дал сына своего Владислава в цари Москвы и всей России, дабы умирить царство Русское, или чтобы он прислал большое войско, дабы подчинить себе русские войска и города, или чтобы он прислал приказ покинуть Москву и всем польским солдатам возвратиться в Польшу к самому королю и каждому восвояси. Из этих трех требований, какое пожелает великий король, пусть исполнит. И они установили время в четыре месяца, чтобы получился верный ответ относительно трех желаний, какое он захочет исполнить.

После пленения великой Москвы заперлись в ней, внутри двух крепостей, с поляками многие русские бояре и дворяне, два патриарха - бывший патриарх кир Игнатий в Чудовском монастыре и патриарх кир Гермоген, заключенный в метохе св. Кирилла, два архиерея: митрополит крутицкий кир Пафнутий и *блаженнейший архиепископ архангельский кир Арсений*, архимандриты, игумены, протопоп, священники и иеродиаконы и несколько душ из народа. И спустя 15 дней после пленения великой Москвы умер от великой скорби митрополит крутицкий кир Пафнутий, архиерей благочестивый, святой, постник, подвижник в высокой степени, как никто другой во время его во всей России. Похоронили его в великом Чудовском монастыре, оплавав его всем народом. Через несколько дней скончались два великие боярина, князь Андрей Телятевский и Михаил Нагой, брат царицы Марфы монахини, и, спустя двадцать дней после смерти Михаила Нагого, скончалась и царица Марфа монахиня, жена царя

Ивана Васильевича всея России и мать Дмитрия царевича, из-за которого, Дмитрия царевича, произошел большой соблазн и великое разрушение Москвы и всей России. О, несчастье! С тех пор, как он был рожден, ничего хорошего не произошло в Москве и во всей России, но только убийства, кровопролития и опустошение городов и сел.

Посланные же боярами великой Москвы и польскими боярами великий боярин князь Георгий Никитич Трубецкой, боярин Михаил Глебович и все прочие, направляясь в Польшу к великому королю, встретили на пути великого главнокомандующего великого короля по имени Карла Ходкевича. Он, посоветовавшись с ними, дал позволение отправиться всем к великому королю, только возвратил двух бояр, чтобы идти с ними в Москву, - Михаила Александровича Нагого и Феодора Андронova. И прибывши в Москву, 15 сентября, едва они вошли внутрь Москвы, как в течение трех дней сгорела срединная крепость, так как русские извне бросили в крепость огненный снаряд и, при сильном ветре, был сожжен весь центральный город, и сгорели многие польские бояре и воины, и бесчисленный народ, избранные кони, бесчисленное количество военного оружия, сребровызолоченные и медные сосуды, деньги, жемчуг и золототканые и шелковые одежды и некоторые другие предметы, которые они отняли у жителей государства, у бояр и богатых людей великой Москвы. Оставшиеся поляки от великих злоключений своих и скорби и от громадного пожара бежали из домов крепости, чтобы не сгореть. Русские, намереваясь захватить крепость, по грехам, в тот самый час, при наступлении вечера, зажгли одно жилище среди домов, занятых русскими, и, благодаря замешательству и народному воплю, все русские солдаты возвратились назад тушить то пламя. Вышедшие из внутренней крепости великий полководец Александр Гонсевский и немалое количество с ним солдат овладели стенами крепости. Некоторые говорили, что Иван Заруцкий, питая зависть и гнев в сердце своем, был небрежен и не постарался овладеть крепостью, как в конце своей [жизни] и доказал это. И снова, на следующий день, во внутренней крепости сгорела палата, в которой находились сено и всякие военные запасы, потому что один польский начальник, вошедши внутрь палаты с своими служителями, чтобы взять сена, имея [в руках] зажженную свечу, и, по неосторожности с свечой, когда

поджег сено, то сорвало всю крышу, разметало стены; начальника, слуг и коня его разорвало, и не осталось от них следов, и многих сторожей этой палаты сожгло. Сгорела и некоторая часть дома *блаженнейшего архиепископа архангельского кир Арсения*.

Пришедшие в Москву все единодушно порешили на совете начать войну с русскими, находящимися вне. Великий полководец Карл, вышедши со всеми поляками, начал воевать с русскими, и во время войны великий полководец Карл был побежден дважды и трижды в большом сражении, и многие из его [воинов] были убиты, и, таким образом, он возвратился назад, оплакивая и сетуя на свою неудачу. В этой войне из войска полководца Карла более пятисот избраннейших мужей, вооруженных всадников, храбро пытались проникнуть в жилища русских, чтобы захватить и сжечь дома их. Русские, подоспевшие вовремя, отразили их нападение, поражая их стрелами и ружьями. От страха и ужаса пред русскими все, обратившись в бегство и заблудившись, попали в реку Яuzu - река глубокая и болотистая, - все потонули с конями их и оружием, и никто из них не спасся, подобно некогда фараону в Красном море с конями и всадниками египетскими. На следующий день, когда дано было позволение, русские, вытащивши их из глубины реки и собравши, их оружие и деньги и одежды поделили между собою, а трупы их бросили в реку в пищу рыбам и зверям. Гибель стольких воинов опечалила не только главнокомандующего Карла, но немало огорчила и великого короля, потому что они были не только храбрые и лучшие мужи, но приходились родственниками, детьми благородных [фамилий]. Главнокомандующий же, не будучи в силах сделать еще что-либо, возвратившись, вошел в Москву и, по совету всех, ввел внутрь Москвы пана Александра Гасевского и великого боярина пана Сборовского Александра Самойловича и многих солдат для охраны крепости. Сам же главнокомандующий Карл и многие воины, более двадцати пяти тысяч, пошли по городам и деревням, делая грабежи во всяком городе и деревне; они достигли до Ростова и были вблизи Ярославля; они опустошили многие деревни, сожигая и опустошая деревни и местечки, но и сами немногие вернулись назад, потому что они выпили ту чашу, которую приготовили другим.

27 декабря этот главнокомандующий Карл с оставшимся у него войском возвратился снова в Москву с небольшим количеством

добычи, хлеба и мяса и ничего другого. И оставивши часть добычи в Москве, он опять отправился грабить города и деревни, имея с собою прежнего патриарха кир Игнатия и с ним господина Мануила Кантакузина, сына Андроника, и Димитрия македонца из Сидерокавсии. Они имели при себе многие драгоценнейшие предметы: золото, серебро и весьма много жемчуга, намереваясь отправиться к великому королю в Польшу. За ним последовали и многие другие: великий логофет Иоанн секретарь и дьяк Евдоким Титов и другие, которые вместе с патриархом кир Игнатием были ограблены на пути русскими воинами, и едва нагими и лишенными всего убежали в Польшу патриарх кир Игнатий и некоторые с ним. Полководец же Карл воевал без всякой победы, осаждал русские города и деревни, ожидая сына великого короля в великую помощь, чтобы воевать с русскими. Итак, ожидали продолжительное время и полководец Карл, и находящиеся в Москве русские и поляки, но ожидали напрасно. Поджидая, таким образом, день на день, что прибудет сын великого короля для [установления] мира и успокоения государства и народа, и он не явился. Все, русские и поляки, находящиеся в Москве, гибли, многие от голода, некоторые ели не только мясо коней, но и собак, и кошек, и мышей, и мясо людей.

21 августа прибыл снова полководец Карл с большим войском, которое послал на помощь великий король из Польши: поляков, немцев и венгерцев было более сорока тысяч. 21 августа, когда произошел бой польского главнокомандующего Карла с великим боярином и русским главнокомандующим князем Димитрием Михайловичем Пожарским, главнокомандующий Карл был разбит и возвратился в свои палатки. 22 того же месяца, на память иже во святых отца нашего преосвященнейшего Петра, митрополита московского и всея Руси чудотворца, когда произошло сражение между великим полководцем Карлом со всеми польскими воинами, прибывшими с ним и находившимися в Москве, и великим боярином князем Димитрием Тимофеевичем Трубецким и великим боярином князем Димитрием Михайловичем Пожарским с находившимися при них солдатами и казаками, то, при помощи Божией, по молитвам Пречистой Богородицы и ради ходатайств иже во святых отца нашего Петра, митрополита московского чудотворца, Карл, польский полководец, был совершенно разбит в большом сражении, и они

истребили всех находившихся при нем польских солдат его. Едва с немногими солдатами Карл убежал в Польшу, оплакивая и сетуя на свое злосудие и несчастье. Великие же бояре и князья и все их русские воины и казаки, захватив весь военный багаж поляков: лошадей, повозки, пушки, оружия и все имущество, вино и масло, которые они принесли из Польши в пищу воинам, находящимся в Москве, возвратились по домам своим с радостью и великою победою. Поляки, находящиеся в Москве: великий староста Струсь и бывшие с ним, заперли ворота Москвы и пребывали в страхе и большом ужасе. Назавтра, 23 того же месяца, староста Струсь с воинами и некоторыми русскими начальниками: Феодором Андроновым, Иваном Безобразовым и Иваном Чичериным, после совещания, изгнали из Москвы всех немощных, старцев, жен, мальчиков и девочек, отняли у русских всякий провиант, вещи - серебро, золото, жемчуг, одежды золототканые и шелковые; отняли все доходы и у *блаженнейшего архиепископа архангельского* и немало вещей и денег. День на день снова ожидали они сына короля и полководца Карла для своего освобождения. И, поджидая таким образом, в течение многих дней, они израсходовали всю пищу, и многие умирали каждый день от голода, и ели все скверное и нечистое и дикорастущие травы; выкапывали из могил тела мертвых и ели. Один сильный поедал другого. Обманутые безумцы, тщетно ожидая и пребывая в течение двух месяцев в напрасном труде и умирая повседневно от великого голода, все погибли.

(Смотри затруднительное положение и великую скорбь блаженнейшего архиепископа кир Арсения)

Спустя два месяца *блаженнейший архиепископ архангельский кир Арсений*, страшно изнемогая от великой скорби и голода и сокрушаясь, чтобы не сделаться пищею воинов, оплакивая и сетуя на свое несчастье и бедствие, молился всемогущему Богу и Пречистой Его Матери, призывая и всех святых на посещение и помощь и сохранение свое. И молясь продолжительное время после повечерия, от великого труда и большой скорби он погрузился в сон. После полуночи явился ему, *архиепископу кир Арсению, весьма святому и дивному мужу*, некий богоносный муж, священнолепный монах, держа в руке своей посох, [и] стуча в дверь, сказал: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас”. Иерарх же от великого голода не мог ответить

“Аминь”. Ударивши во второй и третий раз, он сказал то же слово. И едва святейший иерарх ответил “Аминь”, будучи полумертвым, невидимо отворилась дверь, и вошел внутрь священнолепный тот муж, монах ангелоподобный, и, приблизившись к ложу иерарха, коснулся рукою его, говоря: “Восстани, радуйся, ибо услышана молитва твоя господом Саваофом, поелику Пресвятая Богородица и просиявшие в Москве святые иерархи, преосвященнейшие митрополиты - святой Петр, Алексей и Иона, величайшие чудотворцы, усердно умолившие всецедрого и многомилостивого Бога, и Он услышал молитву Пречистой Его Матери и служителей Его святых, и сделался милостивым, и помиловал и избавил вас, христолюбивых и благочестивых христиан, от рабства и тирании *противоборников латинян*, и предал их вам в граде вашем в руки ваши, и се возвеселится сердце ваше. И если захочешь узнать мое имя, то потщися, и скоро можешь узнать”. Сказал и другие духовные изречения и, сказав это, сделался невидим ему. Иерарх, пробудившись от сна и [восстав] с ложа, воздал славу святому Богу и Пречистой Богородице и в Москве и во всей великой России просиявшим святым чудотворцам. И рассказав келейнику, послушнику своему, *монаху Кириллу*, о видении, оба дивились, и, исследовавши, они по характеру и признакам узнали, что ему открылся великий, в чудесах просиявший преподобный Сергей, богоносный отец наш и игумен великой лавры святой Троицы.

На рассвете дня, в четверг, в шестом часу того дня, легко, без большого боя, великие бояре и князья русские с немногими воинами взяли срединную крепость и перебили всех польских воинов. Великий же староста Струсь, остававшийся во внутренней крепости с немногими солдатами, попросил о мире под тем условием, чтобы они не предавали смерти ни его, ни находившихся с ним. Великие бояре и князья, смилостивившись, выслушали их просьбу, и, отворивши ворота крепости, оба великие боярина с русскими солдатами вошли внутрь центральной крепости и в царские палаты. Старосту Струсю они вывели из большого дома царя Бориса и заключили его в метохе святого Кирилла, а капитана Симона Харлампиевича - в келлии великого Чудовского монастыря, остальных же [товарищей их] отправили в ссылку по городам России для сохранения и для обмена на бояр, посланных к великому королю за сыном его Владиславом

просить его, чтобы он царствовал над ними. О, несчастье! Что сделал великий король, послушавшись совета дурных вредных людей! Он послужил виновником многих бед, потерявши все богатство свое, многих бояр своих и бесчисленное количество воинов, и лишил сына своего такого великого царства, и, почти [можно] сказать, не только сжег Москву и отяготил великую Россию, но и своих собственных бояр и воинов предал смерти, и все свое царство Польское и Литовское обременил и довел до нищеты.

(Прибытие великого короля в Россию)

Спустя немного времени, 6 ноября, прибыл в пределы России лично великий король с сыном своим Владиславом, с многими воинами и боярами; с ним прибыли и патриарх Игнатий и многие русские бояре, полагая, что Москва находится в руках его войска, - чтобы короновать сына своего царем Москвы и всей Руси, но тщетно было [его] намерение, потому что он раньше должен был делать это, не полагаясь на ум свой [по пословице]: и быстрота приносит пользу. Итак, русские, услышавши о прибытии короля, заперлись по городам, по непроходимым местам и деревням, и ни один не встретил прибытие короля и его сына. Увидевши это, великий король сильно был огорчен и недоумевал, что делать, потому что воины его не только страдали от голода, но и от русских, которые каждый день захватывали их и убивали мечом. Великий король, увидав непокорность русских, пришел в большой страх, и, со всею силою своею и воинами попытавшись овладеть одною небольшою крепостью, по имени Волоколамск, потерпел дважды и трижды великое поражение, и из его войска пали многие не только поляки, но и немцы и венгры. Находившиеся в крепости русские захватили пушки и большую добычу. Увидавши это, великий король, убоявшись большего, удалился назад. Быстро, с великим стыдом, сам и сын его и находящиеся с ним возвратились в Польшу, говоря друг другу: “Если такая и ничтожная крепость не была взята нами и оказалась столь крепкою и одержала над нами великую победу, то, следовательно, как мы пойдем в другие большие, сильные и известные крепости”. Итак, великий король и его свита успокоились; и возвратился он домой со всем войском, питая в сердце своем сильное негодование и большую вражду против великой России.

(Боярское правление великой Москвы)

После уничтожения поляков и освобождения великой России и Москвы два великие боярина князя - князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой и князь Димитрий Михайлович Пожарский, взяли бразды правления в свои руки. Весь народ московский и все находящиеся в великой России архиереи, иереи, бояре и начальствующие, правящие народом в преподобии и правде, подчинились им. Эти благородные бояре и князя преисполнили всяким добром и *блаженнейшего архиепископа архангельского кир Арсения* и всех с ним заключенных, которые много пострадали от сильного голода и несчастья, врагов же государства и возлюбленных друзей великого короля Феодора Андронова и Ивана Безобразова подвергли многим пыткам, чтобы [разузнуть] о царской казне, о сосудах и о сокровищах. Они указали великую казну и сокровища и открыли [место хранения] государственной короны, присланной царем - кесарем Алемании, 22 золотых кивотов с святыми мощами, драгоценного скипетра царя и великого князя Ивана Васильевича и двух драгоценных ожерелий благочестивейшей царицы и великой княгини Анастасии, матери благочестивейшего царя и великого князя Феодора Ивановича всея России. Цена одного этого ожерелья пятьсот тысяч флоринов, а другого - триста тысяч золотых флоринов. Указали они и многие другие драгоценнейшие предметы. Во время наказания их и пытки умерли из них трое: великий логофет царского судилища Тимофей Савинов, Степан Соловецкий и Замойский, присланные великим королем довереннейшие казначеи его к царской казне. Итак, открытые посредством пытки деньги и сосуды положили в царскую ризницу и из этих денег много раздали воинам и казакам, и весь народ успокоился. Эти же великие бояре с архиереями, боярами, со всем синклитом, со всем народом и воинством совещались о состоянии государства и относительно [избрания] царя. Оказался непокорным только Иван Заруцкий, потому что, от страха пред боярином князем Димитрием Михайловичем Пожарским, он заранее убежал с немногими казаками и, придя в город Коломну, взял там царицу Марию и сына ее и удалился в пограничные города вблизи Татарии. Там казаки, бывшие при нем, силою утвердились, провозгласивши Марину царицею и сына ее, сына царя Димитрия, царем, но города и народ не подчинились им. Однако, после многих дней, Иван Заруцкий и Мария с сыном ее и приверженцами, обратившись в бегство, погибли, потому что Мирон,

полководец и воевода рязанский, с своими солдатами преследовал его, Ивана Заруцкого, и Марию и их приверженцев до конца. И во святую čtyредесятницу происходило рассуждение относительно [избрания] царя.

Избрание царя Михаила Феодоровича всем множеством народа

Во святую и великую čtyредесятницу, в первое воскресение православия, в большом московском дворце, в присутствии внутри и вне всего народа из всех городов России, архиереи, бояре, князья, архимандриты, игумены, священники, иеродиаконы, дьяки, воины, казаки, купцы и весь народ, волею Божией, все, как бы едиными устами и в одно слово закричали, провозгласили и с радостью приветствовали царем, чтобы царствовал над ними благочестивейший царь и великий князь Михаил Феодорович, сын преосвященнейшего митрополита ростовского кир Филарета и госпожи Марфы Ивановны монахини. Этот Михаил Феодорович находился с матерью своею далеко от Москвы, в городе Костроме, в своей вотчине, будучи юношею, не более четырнадцати лет, благоразумным, скромным, рассудительным и похожим на тетку свою, благочестивейшую царицу и великую княгиню Анастасию. Отец же его, преосвященнейший митрополит кир Филарет, давно был отправлен в Польшу святейшим патриархом кир Гермогеном и собором к великому королю Сигизмунду вместе с великим боярином князем Василием Голицыным и со многими боярами и дьяками великого двора, с архимандритами, игуменами, иереями, иеродиаконами и купцами и со многими дарами, в бытность тогда великого короля под Смоленском, большим городом, при его осаде. И причина, почему они отправились, была следующая: чтобы просить сына его Владислава королевича, умоляя дать им его в цари над ними и над всею Россиею. Великий же король, поступив неблагоприятно, не только преосвященнейшего митрополита и с ним прибывших отослал в Польшу, но и сына своего Владислава лишил такого великого царства, и свое богатство и многих воинов потерял и, почти [можно] сказать, отяготил не только великую Россию, но разорил свое царство Литву и Польшу. О, несчастье! Что причинил неразумный совет!

Снова возвратимся на подлежащее.

Итак, когда был провозглашен благочестивейший царь и великий князь Михаил Феодорович всея России всем собором и народом в

великой Москве, от сотворения мира в лето 7121, от [воплощения] же Христова 1613, в феврале месяце, в 21 день, в воскресенье первое святой четыредесятницы, то был совершен великий молебен и литания и большое многолетие всеми архиереями и народом в славном соборном храме Пречистой Богородицы в патриархии. Во вторник на той же неделе весь собор, и бояре, и синклит, и весь народ с грамотою, когда под нею подписались все архиереи, бояре, архимандриты, игумены, дьяки и все представители народные, отправили преосвященнейшего архиепископа рязанского кир Феодорита, и великого боярина Феодора Ивановича Шереметьева, и архимандрита Чудовского монастыря кир Авраамия, и иных многих архимандритов и игуменов и протоиереев, протопopa собора Благовещенского кир Ивана, и протопopa собора Архангельского кир Василия, и протопopa женского Вознесенского монастыря кир Кирилла, и протодиакона соборного Богородичного храма кир Андрея, и избраннейших многих монахов, старцев монастырей, воевод, и дьяков, и многих воинов к благочестивейшему царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея России и к госпоже Марфе монахини, его матери, умоляя и усердно прося принять скипетр царства на управление великою Москвою и всею Россиею и идти в большой дворец великой Москвы на высокий и великий трон Москвы. Он же, после усиленной просьбы и мольбы преосвященнейшего архиепископа рязанского кир Феодорита, и преподобнейшего великого архимандрита великой лавры святой и живоначальной Троицы кир Дионисия, и прочих архимандритов, и игуменов, и протоиереев, и воевод, и всего народа, и госпожи Марфы монахини, матери его, после многих дней просьб и молений, принял скипетр из рук преосвященнейшего архиепископа рязанского кир Феодорита в великой церкви святой Троицы великой лавры святого Ипатия, вблизи города Костромы, в четвертое воскресенье святой великой четыредесятницы, в какое воскресенье была великая радость у всех жителей в том городе и во всей великой России.

2 мая, в воскресенье, в лето 7121, от пришествия Господа нашего Иисуса Христа 1613, прибыл царь Михаил Феодорович в великую Москву, встреченный всем христоименитым народом, архиереями, архимандритами, игуменами, протоиереями, иереями, иеродиаконами, облаченными в блестящие священные одежды, с великим молебном и

литанию, в предшествии великого и животворящего креста и честных святых чудотворных икон, с большими фонарями, лампадами и камильницами, в сопровождении всех архиереев, всех иереев, иеродиаконов, музыкантов и всего христоролюбивейшего народа московского: мужей и жен, бояр и начальствующих, молодых и старцев, малых и великих, юношей и дев, с пением: “Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение” и “Да возвеселятся небеса и радуется земля”. Встретили его вне великого города Москвы за две мили с пением там молебна и с великою литаниею толпы стоящего в порядке по лугам народа, архиереи, священники, бояре и начальствующие и весь народ, малые и великие. Царь и великий князь Михаил Феодорович поцеловал святые честные иконы, и, после целования их, благословил его честным и святым крестом преосвященный митрополит великой Казани кир Ефрем, преосвященнейший же митрополит ростовский кир Кирилл подал благочестивейшему царю и великому князю [Михаилу] Феодоровичу святую икону в сребровызолоченном окладе и потом благословил его, [сделавши крест] рукою на главе, на груди, на правом и левом плече, и поцеловал честную правую руку царя. То же самое сделали суздальский архиепископ кир Герасим и смиренный архиепископ архангельский кир Арсений, а равным образом епископ коломенский кир Иосиф и епископ корельский кир Сильвестр, потому что архиереи казанский и рязанский прежде благословили сего благочестивейшего царя, так как прибыли с ним из Костромы. Все архимандриты, игумены, протоиереи, преподобнейшие первые старцы великих монастырей поднесли ему святые иконы и поклонились ему. Великие же бояре и князья, дьяки дворца и весь синклит поклонились ему и поцеловали его честную руку. Весь народ поклонился ему с хлебом с солью, со многими дарами и подношениями. Подобным образом и госпоже Марфе монахине, матери царя, архиереи поднесли святые иконы и благословили ее, и все архимандриты и игумены, протоиереи и бояре и князья, дьяки, синклит и весь народ поклонились ей. И оттуда все с литиею и великим песнопением мы пришли в Москву в соборную церковь Пречистой Богородицы. И там царь и госпожа Марфа монахиня, мать его, поцеловавши святые иконы и святые мощи преосвященнейших митрополитов Москвы и всей России, святого Петра и святого Ионы чудотворцев, и отпевши молебен и получив

благословение, после отпуска, оба, царь и мать его, госпожа Марфа монахиня, все бояре и князья, и все дьяки и весь синклит с ним отправились в соборный и славный храм Архангелов. И там, облобызавши святые иконы и гробы благочестивейших святых царей и великих князей Москвы и всей России Ивана Васильевича и Феодора Ивановича и прочих великих князей, и, по благословению сего царя и великого князя и госпожи Марфы монахини, матери его, после отпуска молебна блаженнейшим архиепископом архангельским кир Арсением, направились вверх в царскую соборную церковь Благовещения Пречистой Богородицы и оттуда, помолившись и облобызавши святые иконы, пошли внутрь дворца вместе с вельможными великими боярами и князьями и великими дьяками и синклитом, а архиереи, архимандриты, игумены, протоиереи и весь народ отправились домой с великою радостью и в большом веселии.

С того дня, как воссел на престоле благочестивейший царь и великий князь Михаил Феодорович, стали и враги уменьшаться; обращаясь в бегство, они удалялись из пределов великой России. 6 числа июня месяца воины царя совершенно разбили и уничтожили немецкое войско близ Новгорода. Равным образом и в Северной земле воины царя совершенно истребили поляков, грабивших деревни Северной земли. И для большого удивления и уверения, 16 июня, они привели из двух мест - из-под Новгорода много немцев, а из Северной земли многих поляков, скованными. И радовался царь и все жители Москвы и России великою радостью, видя врагов своих скованными и наказанными.

(Смерть Ивана Заруцкого и Марии и сына ее)

Прежде вступления на престол сего Михаила Феодоровича, изменник Иван Заруцкий с Мариною царицею и сыном ее, изгнанные из пределов России, чрез Ногайскую землю бежали в большой город Астрахань. Им сопутствовали и немалочисленные казаки. Жители же Астрахани по той причине, что еще не знали, что на Москве царствует царь и великий князь Михаил Феодорович всей Руси, приняли Ивана Заруцкого и Марину и сына ее и подчинились им. После шестимесячного правления Ивана Заруцкого и Марины дошел слух и туда, что царствует на Москве и во всей России Михаил Феодорович. И как только услышали жители Астрахани, то все мужчины и женщины, малые и большие, все, единодушно восставши, схватили

изменника Ивана Заруцкого, и Марину, и сына ее, и их приверженцев и, сковавши их железными цепями, отослали к царю в Москву. Царь с боярами, допросивши их, Ивана Заруцкого предал позорной смерти, сына же Марины повесил, и Марину, спустя несколько дней, предал неизвестной смерти, и, таким образом, они получили [должное] по делам их.

Арсений гораздо более, чем Гомер, заставил муз прославлять подвиги россов. Скажем вернее: Гомер писал все по вдохновению муз, а у Арсения было вдохновение более высокое.

Арсений архиерей положил у колен [окончил] это сочинение в *тысяча шестьсот девятнадцатом* году.